

АЛЕКСЕ́Й ПАВЛОВ

РЫЖИ

НА ШЕВРОНКА

Магия Гардарики

Алексей Лавров

Руны на шевронах

«Автор»

2023

Лавров А.

Руны на шевронах / А. Лавров — «Автор», 2023 — (Магия Гардарики)

Молодой человек в результате авто-аварии попадает в тело пацана шестнадцати лет. Он оказывается в мире магической Гардарики, и он отныне боярин! Гг даже смог дотянуться до копии девочки, кого вождедел с прошлой жизни! А то, что родителей и брата боярина убили не просто так, что за ним охотятся самые могучие спецслужбы мира, и сам этот мир вскоре погрязнет в большой войне — для него не ново. Он всегда так жил, просто боролся за себя с судьбою!

© Лавров А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алексей Лавров

Руны на шевронах

Глава 1

Томас Ридли ехал на своей спортивке по автобану. Вообще, спортивка как бы, не своя, а предоставленная министерством магии и внешних сношений мистеру Ридли на время его нахождения в Европе. Но ведь только он сам решает, сколько ему в Европе пробыть, и машинка предоставлена ему для представительности – вот на ней и не написано.

Её длинный чёрный капот в сочетании с белым укороченным двух-дверным кузовом с пижонски откинутым верхом да его развевающийся белый шарф, очки-консервы и пшеничные английские усы должны оказывать на встречных фрау волшебное действие.

К сожалению, при скорости в сто пятьдесят километров в час толком не поговоришь, а медленнее ехать по автобану на спортивке никак нельзя. Остаётся лишь строить уверенные предположения о реакции на их вид встречных фрау и любоваться панорамами. Дорогу положили с большим умом и даже любовью – там да сям идиллические лужайки с овечками, культурные лесные опушки, будто пряничные хутора и шоколадные замки.

Правда, газолиновые станции у немцев не очень, и сами они вблизи... э... не располагают к разглядыванию. Представители низших классов какие-то сероликие, измождённые, неулыбчивые, погружённые в свои мысли. В принципе, как дома, в Британии, но это же Европа!

Мистер Ридли заодно являлся немножко шпионом – правительство Его Величества не полностью доверяло официальным европейским отчётам. Вот в очередном послании матушке мистер честно напишет, что работяги в виденной ему Европе не выглядят вполне счастливыми, но о причинах из них слова не вытянешь.

Хотя он и так знал, о чём они думают. Почему во всём мире кризис и люди несчастны, в одной Гардарике растёт производство и народ от этого только в плюсе. Пусть себе думают! Всё равно в Гардарiku нельзя просто приехать и жить – для этого сначала нужно разгромить их варварские орды. Охотнее эти несчастные пойдут в солдаты...

Упс! Мистер сбавил ход до полной остановки и сдал задним ходом к прелестной фрау в белом костюмчике, что горестно стояла возле открытого капота «Опель капитана». У фрау плюс к костюмчику на очень ладной фигурке были миленькие синие глазки, русые волосы до плечиков, а из двигателя валил белый дым.

– Фрау, я могу вам помочь? – учтиво сказал мистер, подняв окуляры на лоб.

Она обернулась к нему точёным личиком и сказала звонким голосом:

– Эге! Да немецкий тебе неродной! – она перешла на английский. – Ты в этом дерьме разбираешься?

– Нет, но... – заговорил мистер.

– Тогда... э... – тут у автора затруднения. Скажем. – Езжай дальше, мистер.

– Американка, что ли? – удивился Томас.

Она строила скучающую мордашку, выражая досаду, что мистер ещё не уехал.

– Почти соотечественница! – выразил мистер восторг. – Давайте я домчу вас до ближайшего города, и вы вызовете эвакуацию!

– У тебя же лобового стекла нет, а у меня один макияж на двадцать баксов, – лениво возразила незнакомка.

– В багажнике стекло! – с готовностью сказал Томас. – Только ограничение скорости при поднятом верхе до шестидесяти миль.

– Ну... – задумалась леди. – Вообще тут до Нюрнберга фигня осталась – можно тебя потерпеть, – она решилась. – Ставь стекло!

Мистер вылез из-за руля, осанисто прошёлся к багажнику. Затем установил стекло, не совершая лишних движений, и учтиво открыл перед леди дверцу. Она подозрительно следила за его манипуляциями. Сказав:

– Только ты давай всё-таки небыстро, – уселась, как королева.

Мистер закрыл дверцу и, обежав машину, занял место за рулём. Соблюдая пожелания леди, поехал не более сорока миль.

– Вы не забыли ключи от авто? – начал он беседу.

– Вот ещё мороки! – фыркнула девушка. – Папка новую купит.

– А кто у нас папа? – задал мистер вопрос неучтивости.

Ну, американке-то можно!

– Просто миллионер, таких в Америке много, – отмахнулась она. – Зови меня Кэт. А к тебе как обращаться?

– Томас, – скромненько молвил мистер. – В Европе я в командировке.

– Ой, как интересно! – воскликнула Кэт. – Не то, что некоторые, которых на родине похищают! Ты, правда, англичанин?!

– Да, я англичанин, – с достоинством ответил Томас.

– Тогда простым сосанием члена не отделаешься, – глубокомысленно проговорила Кэт. – Придётся давать всерьёз. Как у тебя со временем?

Покрасневший с ушами Томас хотел уже сказать, что ему бы подошло и простое сосание, а если она беспокоится за свою безопасность, может и у обочины остановиться. Но он напомнил себе, что действительно является англичанином, поэтому сдержанно молвил:

– Нормально у меня со временем. После научной конференции около восьми я ужинаю у себя в гостинице.

– Заодно и поедим, – деловито проговорила Кэт. – Давай визитку.

Томас, не отвлекаясь от управления, полез во внутренний карман...

* * *

Конференция состоялась в университете Нюрнберга. На кафедру самой большой аудитории поднимались по очереди маг-профессоры. Первый, солидный и седовласый доложил давно известные факты. Проект проникновения в магически отсталую реальность через общее прошлое являлся совместным с магами Гардарики. И всё шло довольно неплохо, отклонения не превышали расчетных значений...

Тут профессор пробежался по основным позициям проекта, что заняло час-полтора. (Любопытным рекомендую серию «Тень души», все четыре книжки.)

Значит, пробежался немец и поднял проблемы. С каких-то пор княжество Труевское и второй по значимости его город Скол стали демонстрировать нездоровую магическую активность. Идеологемы, согласно которым маги являли собой безусловное зло, там успешно переворачивались кем-то, кого мы изначально считали просто магами-дикарями из нашего мира.

Учёным Гардарики удалось внедрить в верхушку власти троих своих опытных сотрудников, и они приняли необходимые, как всеми тогда казалось, меры. Их ошибка зиждилась на уверенности, что дикари что-то не поделили. Ну, один из них зарезал второго и подвергся чудовищным пыткам!

Увы! Это покажется бредом и мистикой – наши дикари в кавычках оказались родом из магически неразвитой Гардарики! Они как-то договорились, впёрлись в расставленные на них ловушки и надели их охотникам на головы. Если вдаваться в детали, свадьба младшей

сестры князя Труевского, которая была заложницей боярина Глыбы, с наследником печенежского хана, который тоже считался заложником того же боярина...

Вот на свадьбе этой должны были обнулить князя со всей семьёй, боярина с семейством, печенегов поголовно и этих дикарей снова пытаться. Но в результате перебили всех наших рыцарей, и сотрудники Гардарики были вынуждены срочно эвакуироваться. На этом Гардарика вышла из проекта и обрезала обмен информацией. Мы можем только предполагать их решения.

На этом один немец покинул трибуну, и его место занял другой. Он сказал, что оставалась возможность успеха – нужно было только натравить на Труев Кай-ёв и Новоград. Тогда-то совершили вторую фатальную ошибку. С чего-то решили, что, раз Гардарика умыла руки, то и «дикари» должны уйти. Но один из них точно остался в теле сына хана и дал всем просрать!

Немец в общих чертах обрисовал ситуацию. Все ждали, что князя Труева и Скола подождут врага за стенами своих городов, ещё и перелаяются. Однако князь Труевский самоубийственным маршем задержал войско Великого князя. Кто мог послать его на смерть?!

Тем временем войско новгородцев, что шло на соединение, влезло в засаду, устроенную Сколом. Соотношение – пять к одному! Кто мог вывести неожиданно войско на столь удобную позицию?!

Затем они повернули к Кай-ёву и совместно с печенегами разбили войско Великого князя. Печенеги вдоволь пограбили княжество Кай-ёвское и новгородские земли, пока шла торговля о дани.

Этот немец слез с трибуны, стали подниматься другие. И с немецким педантизмом рассказывали о разведке, которой варвары себе не представляют, о связи, которая варварам никак недоступна, и о связности войск, которую просвещённые европейцы встречали в столкновениях с магической Гардарикой...

Только один уродливого вида всё порывался что-то сказать, но его удерживали коллеги.

Итог подвёл первый совершенно седой немец. Сын хана стал князем Труевским и в союзе с печенегами и русскими творит всё, что его попаданской душеньке угодно. Говорят, что собрался на Царьград, но это неточно.

Другие княжества срочно озаботились магией, выискивают и выдирают друг у друга способных парней и девчонок. Через сто лет вернётся известная всем со школы история, так что проект проникновения закрывается. Это всё, что на данном коллоквиуме хотели сказать. Всем спасибо, все свободны! Только просьба людям с допуском задержаться, дабы обсудить технические моменты.

Совершенно замороженный Томас Ридли поправил белый шарф и остался на месте. Когда в гулкой аудитории осталось всего восемь человек, если не считать Томаса, на кафедру влетел молодой, но очень некрасивый немец с горящими глазами и торопливо заговорил:

– Господа! Положенная в начало расчётов теорема Лобачевского-Кирхгофа справедлива лишь...

На кафедру поднялся солидный и седой немец, некультурно, за шиворот удалил несистемного оратора и сказал:

– Оставшихся господ прошу за мною в служебные помещения.

Он прямо с кафедры направился в неприметный боковой проход. Господа направились за ним, мистер Ридли тоже встал. Прошёл он последним в небольшое помещение.

– Двери закрываем! – недовольно вякнул какой-то герр.

Вот закрыл Томас двери и огляделся. Народ вставал вокруг овального стола, крытого зелёным сукном, где прямо на магических рунах, нанесённых по краям просто мелом, возлежал обнажённый молодой человек без сознания.

– Мистер Ридли, – обратился к нему седовласый. – Подойдите и возьмите соседей за руки, чтоб мы видели. Вы же маг, так чтоб не напрасно слушали всю эту непонятную ахинею – хотя бы поможете.

На мистера воззрились немцы от стола. Томас закинул на плечо язык белого шарфа и подошёл. Взял соседей за руки, как просили. Господа за столом поступили аналогично, кроме седовласого. Образовался круг, на мистера указывал член лежащего без сознания молодого человека. Молодой, уродливый немец, шмыгнув толстым носом, снова проговорил:

– Ничего не получится. Теорема Лобачевского-Кирхгофа в данной ситуации...

– Заткнитесь, Дитрих, – молвил седой и перевёл взгляд на мистера. – Специально для нашего британского гостя повторю основные тезисы. Мы отказались от проекта проникновения, но есть более долгий и ненадёжный способ получения технологий не магического мира. Согласно нашим расчётам...

Молодой урод Дитрих испустил тяжкий вздох. Седовласый на него укоризненно посмотрел и продолжил:

– Вот согласно нашим расчетам, вследствие скатывания общей истории в нашу версию, то есть возможного проникновения в неё магов из магически отсталой реальности, появилась возможность раз в сто лет похищать одно из их сознаний. Правда, носитель сознания должен на момент заклинания умереть. Ну, в магически отсталой реальности должны быть катастрофы.

Седой нагнулся и взял кувалду на плечо. Указал челюстью на молодого человека без сознания:

– А это Ганс. Слишком увлёкся осваиванием выделенных на магическую науку средств...

Немцы вокруг принялись что-то напряжённо разглядывать на столе.

– Был уличён, – продолжил седовласый профессор. – Приговорён к повешению. Но согласился помочь науке и сам принял эликсир забвения. Его мозг девственно чист и лишь ждёт сознание из другого мира.

Он опустил кувалду до уровня пояса, замахнулся, скомандовал:

– Приготовиться отдавать всю силу рунам! – ударил кувалдой Ганса по темечку и заорал. – Начали!

Мистер честно приложил все силы. По рунам на столе побежали бледно-синие всполохи. Молодой человек лежал без движения.

– Ещё! – крикнул седовласый.

Руны загорелись синеньким. Парень на столе лежал, как прежде.

– Ну, ещё немного! – седой бросил кувалду и вцепился в шевелюру Ганса.

Хоть руны загорелись фиолетовым, тот не реагировал.

– А я что говорил! – выкрикнул некрасивый Дитрих. – Не получится ничего!

На него обернулись все лица, кроме Ганса.

– Но вот же руны светятся! – возразил научный руководитель. – Заклинание работает!

– Ну, встанет кто-нибудь в Бразилии после удара молнии, – небрежно сказал Дитрих и опустил руки.

Все за столом опустили руки, только седой профессор держался за волосы Ганса. Руны медленно погасли, а Дитрих, явно наслаждаясь полученным вниманием, заговорил:

– Теорема Лобачевского-Кирхгофа верна для четырёх стабильных измерений! Но в случае переноса сознаний между реальностями время нестабильно! Условия теоремы оценочные! То есть мы не можем заранее утверждать, чьё тело займёт сознание!

«Совсем уродцу девки не дают»! – подумал Том горестно.

Повисла неловкая пауза. Собравшиеся отвели взгляды от Дитриха и посмотрели на Ганса. Седовласый профессор убрал грабки от его головы.

– Гм, – молвил лысоватый немец. – Столько сил в него влили. Может, хоть зомби сделаем?

– Да! – поддержал его чёрненький товарищ. – Старый Альберт уже еле ходит и пробирки путает!

– Делайте, что хотите, – тихо ответил седой и вышел из кабинета.

Это второе фиаско совершенно подкосило его научные силы. Ему стало плевать на Гансов и Альбертов. В жизни ещё есть вкусная еда на ужин, и молодая, горячая жена студентка на ночь, а остальное пусть идёт само.

Утром ему сообщили, что родной министерium, наконец, засекретил тему. Он даже не смеялся, просто послал в секретариат приказ снабдить охраной всех причастных. Ещё через два часа пара гвардейцев заняли пост у его двери, а его всюду сопровождал человек с пустыми глазами и в сереньком костюме.

Ещё через час сообщили о британце, он тоже, согласно приказу, являлся носителем секретов. Так Томаса Ридли уже около полудня нашли в ванной, обнажённым, но мёртвым – повешенным на белом шарфике. Не только его он ужасно раздражал.

С кем мистер Ридли общался – ни у кого из прислуги не осталось сведений. Это косвенно можно считать приветиком от русских. Магическая Гардарика в теме его изысканий?! Эта жизнь становится всё интереснее!

* * *

Очнулся я с ужасной головной болью. Открыл глаза, так и есть – двоится. Белый потолок, белые с бежевым стены, лежу на казённой койке. И болело не только в голове – при попытке вздохнуть поглубже неприятно отзывались рёбра слева, а когда решил дать им облегчение, лечь на правый бок, заныли бёдра и колени.

И вовсе я не пил! Я вообще не пью! Мама, помнится, поставила видео о пацане, кто до четырнадцати лет выигрывал на олимпиадах, да какая-то скотина дала ему попробовать коктейль. Понравилось. Так к шестнадцати годам он только разгружал хлебную машину, зарплату за него забирали опекуны.

– Видишь, Артёмка? – серьёзно спрашивала мама. – Ещё неизвестно, что сейчас в эти коктейли мешают!

Артём моё имя если что...

Только ощущение, что всё это уже было. Дальше я вспомню детство...

Ну, ставили мне учителя тройки – все пять учителей. А не надо было вслух размышлять, чего ради одна гримза ведёт сразу геометрию, алгебру, русский язык и английский. От её английского даже мои уши болели – как нет у старой клячи интернета.

Не, сейчас-то я понимаю, что в маленький городок порядочных учителей не заманить, что директриса просто из панталонов выпрыгивала, вела самые трудные уроки и тем себя на алтаре народного образования сжигала. Да только я и сейчас не верю в души прекрасные порывы. Лишь при её выслуге имеет смысл брать дополнительные часы.

Вот молодые наши вообще не заморачивались – один вёл физику с химией, а вторая историю с географией. Всё как положено – строго по методичке и по учебнику. На все вопросы учеников давали один ответ без слов смеющимися глазами:

«Ну, ты понял, куда идти?»

Пошли они в педагогический институт потому, что хоть туда взяли. Вернулись в родной городок от того, что нахрен нигде не упали. И тут губернаторская программа помощи народному образованию – городская земля почти даром и ссуда на строительство. Если пять лет в школе проработать, то беспроцентная. А если десять, то и половину денег вернут.

Вообще они так и пятнадцать лет проработают, с приусадебным участком-то! Но тогда их молодыми специалистами считать уже нельзя, надо других заманивать. Вот не считают же молодыми трудовика и физрука. Один делает тонкую работу, типа починить, приварить, при-

клеить, другой грубую – поколоть дров или поднять холодильник на пятый этаж. Но валюта у нас в городке одна – спиваются мужики.

И думают, что дети ничего не понимают! Вот последние, и предпоследние, и особенно первая ставили мне тройки автоматом. А не надо много умничать! Обидно, но ладно. Мне-то хоть из принципа, а остальным просто потому, что всё равно никто поступать не собирается, и на «хорошо» даже «Он» не знает. Тем более мы с мамой малообеспеченные, что в прямой форме, что в натуральной родной школе никак не помогали.

Так, детство вспомнил. Потом я вспоминаю маму...

Работала она продавцом в магазине, и общественность считала, что должна там как сыр в масле купаться. Та самая общественность, что каждый грошик посчитает и за грошик этот готова придавить кого угодно.

Единственный мамин бонус от стояния за прилавком – ваш покорный слуга. Когда на местный завод ещё присылали практикантов, один из них к ней и подкатил. Зажили у неё. Потом он уехал в Москву спрашивать у родителей разрешения.

Папа мой так и не вернулся, а спустя положенные природой месяцы родился я. Много со мной маманя не мучилась, спихнула через три месяца на бабулю. Она тогда как раз на пенсию вышла, а дед ещё трудился водителем при местном хлебозаводе.

Никто маму не попрекал. Государство помогало, и, как и положено почти в деревне, с пяти лет я стал работником. Таскал воду бидончиком, стоял в очередях, пропалывал огород...

Называется, маму вспомнил! Ну, она особыми талантами не блистала, и я мог рассчитывать на самую заурядную биографию. Но ведь она на что-то надеялась, когда купила мне компьютер и тогда ещё через модем подключила к сети.

Скорость была – особо не поиграешь. Да и залипли дед с бабулей в «косынку», только мать их отгоняла. Играл я немножко в шахматы, скачивал интересные задачки по алгебре и геометрии и даже болтал по-английски. И вот в восьмом классе мама повезла меня на конкурс, где меня приняли сначала вне зачёта, а потом, когда я конкурс выиграл, приписали к родной школе задним числом. Ну, приз полагался школе, такие правила.

Вот каждый год я ездил на конкурсы – директриса от школы на меня подавала заявку и оплачивала проезд. Обнаружились у меня способности, хотя тройки так и ставили – для традиции и чтоб на общем фоне не выделять. Выигрывал... правда, один раз занял второе место – директриса очень ругалась. Значит, в основном выигрывал и возвращался. Нам в школу спонсоры даже компьютерный класс поставили, и на мои выигрыши поменяли кровлю. А последний раз был не совсем конкурс.

Сдал ЕГЭ по алгебре и геометрии на сто, а по физике и химии на девяносто девять, вот и поехал в Москву. Мама дала мне немного денег и сказала:

– Встретишь отца, ничего ему не говори. Он нам ничего не должен. И ты ничего не должен. Не захочешь – не возвращайся, не пиши...

Она сильная женщина! Конечно же, я ей написал, как сдал документы. Потом расписал, что было на собеседовании, ну, те же экзамены в профиль. Меня приняли на бюджет. И, разумеется, вернулся в родной город господином столичным студентом!

Ну, дешевле московской жизни, проехаться туда-обратно и провести лето возле своего огорода. И маме с бабушкой и дедом помог, и речка своя есть, не такая как Москва-река...

Блин, как голова-то болит! И в глазах двоится...

Главное, вспомнил, кто я и откуда...

Хотя такое забудешь! Господа столичные студенты по сто раз на дню напоминали. Хорошо хоть в общаге все иногородние, хотя там своя дедовщина, но больше оттого, что старшекурсники многое знают о московской жизни и вообще о студенчестве.

Зато в самом университете иное. Там я просто пустое место, все смотрят как бы сквозь тебя. В нашей группе всего четверо бюджетников, но иногородний я один. Даже эти трое никак на моё существование не реагировали. Они местные, а я «понаехал».

Но вот понесло меня после пар отлить, сил уже терпеть не было. Застёгивался уже, стоя у писсуара.

– На-ка, выкинь, – сказал грубоватым тенорком габаритный юноша, протягивая окурок.

Вроде бы, делов – бычок выбросить. Но один раз выполнишь такую просьбу, и всё – слабак, рохля. Имел поводы убедиться в родном городке. И я учился на чужих ошибках.

Дав постоять обладателю тенорка с бычком, я со вкусом застегнулся и молвил ровным тоном:

– Сам выкинь.

От полёта окурка я уклонился, нанося удар габаритному под колено прямой ногой. Но их же четверо меня не просто так обступили! Посыпалось! Пусть я уходил от большинства ударов, но сократить их число не мог, а те, что достигали цели, сильно уменьшали мои возможности. На третьей секунде я катался по полу, а четверо весьма упитанных юношей старались меня затоптать. И у них многое получалось!

Помирать так по-дурачки, конечно, обидно, но ещё обидней просить пощады. Я вцепился в чью-то бьющую конечность и разорвал зубами ткань штанов выше колена. Глупо – теперь я неподвижная мишень. Но так захотелось напоследок хоть одного изуродовать. Вой супостата, в пасти вкус крови, по телу медленно затухающие вспышки боли от ударов, и спасительная темнота...

Теперь надо ждать отца габаритного. Не знаю почему, уверен просто, что зайвится высокий дядька с породистой такой харей. Принесёт полный пакет фруктов и конфет. Скажет, что ребята погорячились, и я сам во многом виноват. Один вон лежит с разрывом мышц и мягких тканей.

А ему совсем не нужно участие его сынишки в уголовном процессе. В общем, предлагает он всё замять. Избили меня какие-то хулиганы вне университета, ничего не помню. У меня будет отдельная палата и всё для скорейшего выздоровления! А сынок его Олег прямо сейчас извинится и пообещает, что такое больше не повторится!

Хотел я его послать, но больно уж захотелось увидеть рожу Олежки...

То есть захочется. Я же не вспоминаю... то есть как бы предполагаю на основе неизвестно откуда взявшихся воспоминаний...

Не! Я многое вспомнил! Вот помню же, что били меня четверо, и всех их запомнил, особенно Олега. А что папка его такой, только предполагаю...

Как болит голова! И двоится перед глазами!

Ладно, ждать осталось недолго. Вот сейчас откроется дверь в палату и зайдёт осанистый мужик с пакетом. Я приготовился...

Открылась дверь, вошёл осанистый мужик в белом халате и сказал что-то непонятное. За ним следом вошла женщина, подошла ко мне и на шею стала прикладывать что-то живое. Я с задержкой понял, что сказал дядька:

«Ага, очнулся. И, конечно, давление. Манечка, пока три – ему ещё понадобится кровь».

Это холодное у меня на шее нежно укусило и замерло. Это пиявки... в двадцать первом веке! Но на каком языке он сказал? И почему я его понял?!

Глава 2

Всё-таки у меня среди прочего случилась ретроградная амнезия. Стёрлось всё до избияния в туалете, но, как и положено, только двоиться перестало, так и быстро припомнилось. Особенно когда Олежкин папа не пришёл...

То есть он уже приходил, говорил, что положено, потом сам Олег очень искренне извинялся. Я принял извинения и предложение его отца – что мне оставалось-то ещё! Сказал следователю, что не было ничего или я ничего не помню.

За две недели меня вылечили, и я принялся навёрстывать пропущенное за время болезни. Забавно, что льготники меня заметили, даже давали списать конспекты, но общение с другими студентами ограничилось дежурными приветами. Да я ни к кому и не лез.

Дожил так до осенних коллоквиумов, когда надо было сдавать первую часть задач. Когда я у доски опроверг «минусы» преподавателя в индивидуальном задании, как он ни пытался посадить меня на место, на мою скромную персону обратила внимание Катя Самая Главная.

Вот так всё с большущей буквы! А кто хотя бы в букве с Катей не согласен и имеет смелость заявлять об этом вслух – мир его праху. Я и не спорил. Раз Катя сказала, что есть во мне что-то, думаю – ну, пусть себе будет.

Преподы меня не минусовали, хотя решать я стал вдвое больше – за себя и немножко за Катю. Лабораторные работы делал за двоих тоже я, но раньше ведь исполнял просто в одну шею.

Она просто не всё так же быстро понимала, ей некому было объяснить. Или Катя стеснялась спрашивать. А меня чего стесняться? И так за счастье всегда было чего-нибудь порешать зубодробительного.

Затащить её в койку даже не пытался, хотя влюбился в неё жутко. Ну, кто я, и кто она! Сам понимал, что трачу молодость на миражи, и ничего не мог с собой поделаться. А она игралась со мной, как с куклой.

Таскала по бутикам, придела. Потом я в клубах с ней всегда танцевал и вёз домой, как непьющий дежурный ухажёр. Она давала мне деньги на такси, чтоб добрался до общаги уже под утро...

С этого всё и началось! В смысле водить меня дед научил, когда ноги стали до педалей доставать. Подменял его частенько, у старого с возрастом то спина, то давление. Оно у нас запросто, когда полгорода, включая ГАИ, родственники.

Так что ничего такого в том, чтобы втыкать передачи «на слух», я не видел. А Катя радовалась:

– Давай того обгоним! А теперь этого!

Ну и докатился до гонок без правил. А куда б я делся, коли её величеству припёрло! Поупирался для порядку, но сдался всё-таки. Платила ведь Катя. Мне половину выигрыша или просто ничего, если проиграю...

Господи! Я впервые в жизни держал пятьсот долларов!

Первая гонка из одолжения. Второй раз уже спокойней. На третий раз сам шутиливо спросил Катю...

Независимый стал, крутой! Маме послал тысячу баксов с барского плеча – она так благодарила! Им в маленьком городке много не нужно. Снял комнатку, хотя из общаги съезжать не спешил. Откладывал на гоночное авто, если Катя ко мне охладает.

Зима выдалась бесснежной. После экзаменов и Нового года в ...дцатой гонке просто выстрелил задний правый баллон. Хорошо, что задний – не кувыркался. И правый – потащило к отбойнику, а не на встречу. Я никогда не пристёгивался и на скорости под двести просто вышел...

И понял тут, что никогда не увижу Катю...

Снится какая-то смазливая малолетка в белом сарафане! Без переднего зуба! И доктор этот несёт, не понять что!

Вообще, можно понять, только зачем? Я, оказывается, просто умер. И никогда не увижу Катю...

Господи, что ж голова-то снова так болит!

* * *

Заметил систему – чем больше себя жалею, тем больше болит голова. К тому же если что-то болит, какое умер? Сказано ведь кем-то из мудрых, что жизнь – это боль. Ну и получаем ту же головную боль, только наоборот – живой я.

Простая логика, которая моё всё. Следуя ей, родимой, убедился, что живой, теперь подумаем, кто такой «я». Вот Манечка меня давеча перевязывала и обтирала, так хоть режьте – не моё это тело! Какое-то маленькое! Ну, не совсем прямо мелкое, но точно меньше моего!

Спрашивать у медперсонала зеркало я не стал. Вообще, молчал, чтобы не давать потенциальному противнику лишней пищи для размышлений. А что противник лишь пока потенциальный, для меня аксиома. Уж так воспитан.

Кстати, о воспитании. Катенька рассказывала мне о попаданцах и разных мирах, её веселило, что сам я такой литературы не читал. Забавляло девушку, что из гаджетов в классе долго только у меня был персональный компьютер!

Так вот себя попаданцем в чужое тело я считать не мог! Ну, не могут написать что-нибудь умное сочинители этакой мути!

Но факты...

Подошёл с другого боку. Пофиг я, сосредоточился на том, куда меня занесло. Вот некоторые учёные ломают голову, как установить контакт с другим разумом. Кто им сказал, что оно разумное? По каким признакам они это поняли?

Я начал с поисков иной разумности в собственном теле. Для начала принял вводную, что оно не моё...

Странно, но голова стала болеть меньше и как-то иначе – я будто ощутил неродные области мозга, знакомился с ними. Они тоже приняли моё существование и всё больше сдруживались со мной.

Ёлки! Как, оказывается, больно и грустно умирать! Того мальчишку я увидел во сне. Всего пятнадцать лет. Скоро будет шестнадцать, а осенью его отправят в кадетский корпус при Академии Генштаба Московского княжества. Должны были отправить.

Общался с Артёмом во снах. На мою удачу, его звали также. Он погиб, мне достался его растущий, хоть и немного поврежденный организм. Буду надеяться, что его душа нашла хороший приют...

Но всё равно даже организму легче умереть, чем менять хозяина, потому наша притирка шла так долго. Он свыкался с мыслью, что отныне всем в нём заправляю я и расставляю мебель по своему вкусу. А я привыкал к идее, что я чёртов попаданец!

Так сначала во снах я увидел Артёма, его старшего брата Григория, его папу и маму. Его любовь Танечку Сокольникову, что была его одноклассницей. Как его учили читать, как брат уговаривал его не бояться и спрыгнуть с ветки старой ирги, куда он сдуру залез в девять лет...

И как всё кончилось. Ехали всем семейством из загородного имения – отца неожиданно вызвали из отпуска. Папа велел сыновьям пристегнуться, хоть и ехали они сзади. Григорий честно выполнил папино приказание, но и Артёма не стал сдавать – тот просто из вредности лишь накинул ремень. Ехали по великокняжеской трассе, когда отец вдруг закричал:

– Тормоза! Что с тормозами! – и направил машину тормозить об бетонный отбойник.

Что-то в его голосе заставило Артёма открыть дверцу и выйти на скорости в сто шестьдесят километров. Его подбросило на дороге, последнее, что он запомнил – их седан врезается в бетон, летят искры, но внезапно уходит с трассы, порвав красную ленточку.

«Реконструкция», – успел подумать Тёма, и наступила темнота.

В целом общие знания я от организма получил и понял, что пора прекращать играть в молчанку.

– Ещё, – сказал я Манечке, возвращая пустую тарелку.

– Не надо! – молвил я, когда она вновь пришла с пиявками.

Манечка, конечно, доложила доктору о моей речевой активности, и я вскоре отвечал на его вопросы, а он, сидя перед моей кроватью на стульчике, аккуратно записывал ответы.

– ФИО?

– Большов Артём Дмитриевич.

– Какой сейчас год?

– Семь тысяч четыреста сорок третий...

* * *

И вовсе я не в будущее попал! Что поделать, если теперь 7443-й год, только не от Рождества Христова, а с Сотворения мира. Точнее 2-е серпня 7443. Ещё хорошо, что названия и длительность наших месяцев соответствуют европейским, только отстают на две недели. Вот раньше с восемью древнерусскими месяцами было мороки! Только в этом да ещё с переходом с девятидневной на семидневную неделю наши славные предки смогли пойти на компромисс...

Вот так весело жить в стране настоящей демократии! Не было в истории России... тьфу ты! То есть в истории Гардарики правителя, который мог просто приказать. Вернее, правителей в каждом из её тридцати четырёх княжеств и связанных договорами четырёх королевств и одного царства хватало, приказывать они могли что угодно. Только кто их приказы будет исполнять в других землях?

«Замечательно»! – скажете вы. – «Я буду таким правителем»!

И станете в ряд тех, кто ошибался так же. Началось всё с одного Великого Кай-ёвского князя и сына его с новоградским ополчением, кто захотел жителей другого княжества... Труевского, кажется, научить жизни. В результате сынок Великого князя погиб в сече, папа его долгие лета платил дань, а княжества древней Руси все сплошь стали удельными. Князь просто перестал быть Великим.

Папа с сыном научили княжества, что укорот можно сделать любому, если правильно выбирать друзей. Все бросились дружить с князьями Труева и печенегами. Но ведь их могущество не навсегда, кто-то может стать круче – подружиться княжества и между собой на всякий случай.

Приходили в Гардарику православные священники, католические и протестантские. Прибывали всех видов мусульманские миссионеры. Ходили по городам и весям буддисты со своей проповедью. Даже евреи заявили со своим богом!

Все они находили паству и всем давали землю под строительство храмов. Все конфессии создавали строгую иерархическую структуру и пытались пролезть во власть. Но власти каждого княжества знали, что они принадлежат Гардарике, пока на Великом месте перед идолищем Перуна ли, Дажьбога ли, Велеса... всех и не упомянуть. Вот пока перед идолом одного из родных богов курится жертвенный огонь.

Можно обойтись и без идолов или вообще не иметь Великого места. Короли Норвегии, например, из протестантского собора идут вешать козлёнка в священной роще Одина. Но их

связывают с Гардарикой договоры, от которых короли просто не могут отказаться, поэтому они считаются частью Гардарики условно.

Спросите, а как же Монголо-татарское иго? А не было его. Отчего-то не было даже отражения страшного нашествия. Пошли печенеги с новгородцами на восток...

Ну, тем и другим больше остальных на месте не сиделось.

Вот пошли, значит, на восток древние исследователи, так всех там нашли – и башкир, и татар, и половцев. А калмыки и ногайцы сами позже нарисовались. Но вот кого-то, кто хотя бы самоназванием походил на известных монголов, нашли ближе к 18-му веку аж черт знает как далеко от Москвы. И никто, кроме Артёма из другого мира, этому факту не удивлялся.

Кстати, до начала 19-го века всё, что восточнее Уральских гор, считалось общей землёй Гардарики, и управлялось законами княжества, чья была концессия. Но ведь потребовались договоры с Китаем и Японией, а для их заключения нехилая вооружённая сила. Потому собрались все заинтересованные княжества и учредили Восточное Царство.

Хотели назваться Восточным Русским Царством, да слишком много было народу от татарских и печенежских княжеств. И так ясно, что русское, любого татарина или печенега спроси – ответят, что русские. А царство сделали потому, что формально для княжества народу маловато, а, по сути, есть уже шесть нерусских княжеств в Гардарике – вот и хватит. И не называться же им королевством, как каким-то нерусам!

Вот королевств всего четыре – Молдавское, Датское, Шведское и Норвежское. Потому Артём знает, что 20-й век на дворе. Не ведали мудрые предки, что и у веков должен быть номер, потому в Гардарике считали столетия по-европейски. И с месяцем своего рождения я встретил затруднения. Ну, нет в нынешнем русском языке слова «август»! И другие месяцы называются иначе!

А как оно выглядит по-европейски, Тёма хорошо знает. Папа считал, что будущему боярину нужно читать европейские газеты в оригинале. Вот дата его шестнадцатилетия, например, смотрелась во всех просвещённых столицах: 28. 08. 1939.

В моём мире год начала Второй Мировой Войны, два года до Великой Отечественной...

Тёма бы рассмеялся мне в лицо, если б мог. Он считал конфликт просто невозможным. Как ни пытались втянуть Гардарику в войну, получали только шиш с маслом. Австрияки с Бизантией истребили почти всех сербов, немцы взяли Париж – Гардарика осталась недвижимой. И теперь у неё достаточно оружия...

Я понял, что ничего не понимаю! Впрочем, не все структуры своего мозга я ещё прощупал, а что прощупал, не совсем мне нравится. На логику у меня всего полтора процента! Не знаю, может, в прошлой жизни у меня было не больше. Вот и полез в гонки, придурок! Нет, нам в новой с Тёмой жизни этого совершенно недостаточно. Только откуда бы снять лишние мощности...

* * *

В одной из Берлинских богатых квартир прозвенел звонок. Милая горничная в чепце и переднике поверх синенького платица в белую горошину открыла двери. У порога стояла Кэт только в бежевом костюме и элегантной шляпке из синего бархата.

– Я к доктору Крейцу, у меня назначено, – сказала она на безупречном немецком даже с берлинским выговором, протянув визитку.

– Вам придётся обождать, прошу за мной в гостиную, – проговорила горничная, принимая картонку и уступив Кэт дорогу.

Девушка в чепце и переднике закрыла за Кэт двери и провела её коридором в уютно убранную гостиную.

– Располагайтесь, – указала горничная на диванчики чёрной кожи. – Вас позовут.

Кэт, как королева уселась на диван у столика и взяла яркий журнал, а горничная ушла через те же двери. Спустя пять минут девушка снова вошла в гостиную и молвила, указав на двери в кабинет:

– Проходите, пожалуйста.

Кэт лениво бросила на журнальный столик глянец, поднялась и прошла в двери с непередаваемой грацией. Только за ней закрылась створка, она повернулась к поджарому, тонконосому немцу и капризно сказала по-русски:

– Вот не можешь ты без понтов!

– Конспирация, – ответил немец. – Привет. Проходи, присаживайся.

Кэт подошла к креслу для посетителей, устроилась в нём, закинув ногу на ногу, и молвила:

– И тебе привет, боярин.

– Рассказывай, – сухо приказал тот.

– Тебя интересует только конференция? – уточнила девушка. – Или прям всё рассказывать?

– Начни с конференции, – уклончиво сказал немец.

– Ладно, – пожала плечиками Кэт. – Проверила это сборище по дороге, как ты просил. На саму конференцию не пошла, пообщалась с источником. Источник британец, сам присутствовал на церемонии после докладов. По его словам, у Штанмайера ничего не вышло, как ты и предполагал. Теорема Лобачевского-Кирхгофа в данных условиях неприменима...

– Её условия оценочны, – мягко возразил херр. – Заклинание сработало?

– Ну, мистер сказал, что руны светились, – лениво ответила Кэт.

– Теперь они по всему миру будут искать и проверять возможных кандидатов на перенос, – задумчиво молвил мужчина.

– Пусть ищут, – пожала плечиками девушка. – Эти хитрые немцы ведь все нам известны.

– По всему миру кроме... – ещё задумчивей проговорил немец и вдруг расцвёл улыбкой. – Катя! Ты нуждаешься в отдыхе!

– Да не устала, вроде, – настороженно проговорила она.

– Не спорь, начальству виднее! – с невероятной заботливостью сказал немец. – Ты немедленно эвакуируешься в Московское княжество.

– Но мне нужно хотя бы сдать дела! – успела возразить Кэт.

– Спать, – приказал мужчина.

Катерина обмякла в кресле. Херр снял трубку телефонного аппарата и заговорил по-немецки:

– Марта! Срочно автомобиль и санитаров из клиники. Пациентке стало плохо.

* * *

Голова почти не кружилась, я начал вставать с кровати вначале в туалет, а потом в баню и, наконец, всю разгуливал в госпитальном парке в сопровождении дюжих санитаров. Думали они, что лучше бы я лежал...

А может, совсем не умели думать – не отвечали даже на мои приветы – только пустыми глазами ощупывали окрестности. Да бог бы с ними, у меня всегда было о чём с собой поговорить.

Шёл я неспешно по аллеям меж раскидистых деревьев и сам себе не уставал поражаться. Вот вам-то как кажется, просто вселиться в иное тело? Ах, вы ещё не пробовали! А я пробовал???

Вот и болела жутко голова, а организм просто не хотел ей подчиняться – вдруг это чья-нибудь посторонняя голова!

Но постепенно мозги стали признавать некоторую мою легитимность, и тело начало меня слушаться. Как раз ноги и рёбра поджили достаточно, чтоб я смог ковылять. Значит, иду, с себя поражаюсь и сам с собой разговариваю.

Вот взять, к примеру, перенос меня. Первый вопрос – какая часть меня умудрилась, несмотря на боль, зацепиться за умирающие ткани? Сто процентов? Восемьдесят? Или сорок пять?

Кстати, боль можно считать первым положительным фактором, она не позволила мозгу тихо умереть. Вторым таким фактором можно считать волю. Именно моя воля является ядром меня, дублируется, как вирус, в каждой области мозга. Вызывая, между прочим, боль.

С волей ничего не поделаться, она просто есть, как есть пока боль – это нужно перетерпеть или привыкнуть. Но как же насчёт всего остального? Вот те же алгебраические, геометрические и шахматные задачки, что я решал!

Начал вспоминать их, когда ещё не мог ходить, и быстро убедился, что забыл больше половины. То есть начало помню, а дальше середины уже не. Точно не сто процентов.

Хорошо, что организм отнёсся к моим умствованиям положительно – напрягался и почти не болел. Пользуясь его таким отношением, я запретил себе записывать решения на бумаге и разыгрывать этюды на натуральных шахматах – они нашлись в этом мире и пользовались большой любовью среди выздоравливающих. Так вот каждая задача должна быть решена и аккуратно уложена только в моей голове.

Вот гулял себе, вспоминал и решал задачи, и понял вдруг, что боль в голове – это просто непонятое ещё ощущение областей мозга. Быстро нащупал речевой и двигательный центры. Следующим шагом нашёл раздел мелкой моторики и выпросил у доктора карандаш и тетрадь – стал вести дневник.

Не отвлекаясь от решения задач, вышел-таки сам на себя. Моё «я», моя воля подчиняло себе всё. В том числе раздел запоминания и логики. Ну, живой мозг думает и запоминает одновременно, зависит от уровня энергии, направленной на конкретные участки.

Решать задачи стал заметно быстрее, хотя радости мне это почти не принесло – форсировал же через боль. Тогда и определил, что на логику могу выделить, самое большее, полтора процентика. Если больше, есть вероятность потерять сознание.

В первую очередь подумал, откуда бы снять мощностей. С себя любимого, со своей воли снимать просто рука не подымалась. Снимать с движения, быть косоруким инвалидом тем более не хотелось.

Ну, довёл до минимума функцию самосохранения и размножения – они, оказывается, связаны. Катя и Танечка перестали сниться, и куда-то ушёл весь страх, но и всё на этом. То есть на логику я мог пустить один и шесть десятых мощности!

Что ещё оставалось делать! Только медитировать! Постигать Дзен, его мать!

Нашлась у Тёмы такая функция. Показалась забавной и полезной – надо же как-то отдыхать от боли. Самое полезное, что таким образом я беру у пространства энергию и даже могу увеличить её запас.

Вот уселся я медитировать, успокоился, а Тёмин организм мне и говорит...

То есть, когда провёл часик в максимальном для себя состоянии покоя, стало мне понятно, что моя функция ощущения зон мозга и распределения сил – просто невообразимая хрень! Об этом нужно молчать, особенно магам о ней не нужно знать.

Но бог с ней, моей уникальностью – ещё будет время в этом разобраться. Обнаружились просто неотложные вещи – этим миром правит магия!

Не поняли? Ещё раз:

Этим миром правит магия! Магия, твою крапину мать!

Если что я тоже охренел.

Так вот охреневшему мне открылось, чем обычный человек отличается от мага. У обычного человека даже преимущества! Он всю волю, всю логику, всю энергию или дух расходует только для себя. Маг же, чем сильнее, тем большую часть себя проецирует в астрал или истинное пространство. И тем подчиняет своей воле живых существ или даже события.

Тёма был растущим магом – я, наконец, уяснил причины львиной доли моих болей. По привычке обычного человека старался всё захватить себе, а нужно наоборот – взял у мира рубль, отдай два. Просто отдай, ни на что не надеясь. Тогда мир даст тебе три рубля, а ты вернёшь четыре. Когда-нибудь это закончится...

У Тёмы в голове нашёлся замечательный пример, на который он готов был молиться. Пушкин Александр Сергеевич. Великий маг Новгорода, великий поэт. Убит на дуэли другим магом – характером обладал вздорным...

Вообще, в своём княжестве дуэли как бы нежелательны, но если нарывается маг из другого княжества, так дуэльный кодекс неумолим. Я подумал, что просто однофамилец, но в Тёминой памяти нашлись и стихи – уж их-то я не мог спутать.

Вот тогда-то и стал я понимать устройство Гардарики. Оно кажется нежизнеспособным лишь обычному человеку, для мага же просто лучше не придумать. Если есть маги, как Пушкин, кто служат своему народу – тогда всё становится понятным.

Почему когда-то давно войско под руководством магов разгромило обычного противника, пусть он имел подавляющее численное превосходство. Кого стали искать удельные князья, чтобы остаться удельными, и чьи кланы со временем стали всем в княжествах заправлять. Это же объясняет причины, почему эти неглупые люди так легко сговорились.

Гардарику пронзают шоссейные и железные дороги, и управляет там всем совет княжеств. В Гардарике действуют крупные концерны, Гардарика обладает мощной промышленностью, и управляет ей другой совет княжеств во взаимодействии с первым. У Гардарики могучие флоты, оснащаются они, вроде как, складчину, но самыми лучшими, крупными кораблями, и заправляет всем совет княжеств во взаимодействии с первыми двумя...

Да трудно найти область, где бы не было своего совета! Даже леса высаживаются и охраняются не просто так, а согласно общему плану. И каждое княжество или царство остаётся очень сильным. У советов всегда есть, где брать кадры.

В результате имеем то же правительство с теми же министерствами, только ни одна копейка не уходит налево, лишних людей нет, и они всё могут. Маги не принимают извинений у магов.

Но есть один жирный минус – этим людям некому что-либо приказать. Какой Григорианский календарь, когда и так всё работает? Какая Аляска, зачем? Какой китайский поход, на кой? Просится Грузия в состав? А это где?

Это самая миролюбивая страна. Или самая ленивая. Ни копейки, ни солдата на непонятные даже магам вещи. Ну, а мнение не-магов большого значения не имеет – им маги всё объясняют очень понятно и доходчиво.

Другое дело Европейские страны, Блистательная Бизантия, всё-таки принявшая турок и ислам, или могучий Китай и энергичная Япония. Там тепло. Там тоже есть маги, но они не являются властью, как в Гардарике, они власти служат и друг друга давят, чтобы на власть влиять.

От них Гардарике одно беспокойство! Хоть ту же Польшу взять – по три-четыре раза за столетие приходится урезонивать...

В целом мне не очень нравилась Гардарика. Ну, воспитан так – сам без порток, но «в Гренаде крестьянам землю отдай». А тут куркули и попросту фашисты!

Но ведь Родину не выбирают. Пусть в том мире она звалась Россия, а в этом Гардарика, княжество Московское. Я молодой боярин и маг. Можно сказать, рыцарь. Мой выбор однозначен.

* * *

Вот всегда так в жизни. Тебе практически шестнадцать лет – «мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы»! И приезжает тётя.

Я холодно спросил доктора:

– Она тебе заплатила?

– Нет, боярин, – почтительно ответил лекарь. – Мы обязаны сообщать о твоём состоянии близким, и по их запросу я испрашиваю твоего позволения на визит.

– Я приму только её в парке, – сказал я официально. – Немедленно.

– Как скажешь, боярин, – молвил лекарь и удалился.

Да вот стал я боярином. Мне долго не говорили, но, когда я стал ходить, лекарь просто вынужден был сообщить, что машина наша сгорела, а с ней нашли пристёгнутые, обугленные трупы отца, мамы и брата...

Тётка моя являлась младшей папиной сестрой. Не, были у меня ещё дядя и тётя, только мамина родня совсем не рассматривалась в вопросах наследования – у неё свой род.

Вот сестрица бати и явилась, дабы лично убедиться, что я живой и в здравии, и что ей не видеть боярского звания. Тётъ Свету – так её звали – я бы совсем не назвал обабившейся. Она поддерживала фигуру, несмотря на третьи роды, и чем-то непреклонным и решительным в лице походила на отца.

Тетя совсем не задавала мне глупых вопросов – она же была магом и даже состояла в Московском клане. Без особого чувства выразила мне соболезнования. И предложила продолжить реабилитацию в госпитале на год, а она пока приглядит за хозяйством.

Ага. Это означало наделить её временными правами, которые через год могут стать постоянными, если я влезу в какую-нибудь историю от нефиг делать!

Я твёрдо официально сказал, что намерен исполнить волю отца – поступить в Кадетский корпус при Академии Генштаба Московского княжества, а за хозяйством присмотрят мои уполномоченные.

– Да, боярин, – молвила тётя Света спокойно.

Другого ответа она и не ждала... если я действительно в себе.

Глава 3

Перевели меня на амбулаторное лечение. Попросту разрешили быть дома, отметить День Рождения, но через полгода или в случае обострения попросили обратиться в госпиталь. Доставила мою одежду наша московская экономка Миланья, добродушная пухлая тётка средних лет. На той же машине в сопровождении двух крепких молодцев поехали из загорода через всю Москву практически в центр.

Молодцев звали Авдей и Мухаммед. Авдей ехал рядом с водителем, Мухаммед прикрывал меня справа, а Миланья слева. И это не обсуждалось!

Когда залезал в машину, первым делом я тайком глянул на себя в салонное зеркало. Волосы тёмно-русые, черты правильные. Даже слишком. Те же, что у папки, тонкий нос и заострённый подбородок. Хорошо, хоть веснушки ещё остались.

Бугаи на моём фоне смотрелись увальнями, но я точно знал, что они способны на многое. Парни формально принадлежали к отцовской дружине, а фактически являлись положенными нам по боярскому статусу телохранителями. В живых они остались только потому, что в машине им не было места.

Отца ведь вызвали внезапно под конец уже отпуска, а вторую машинку поставили на профилактику. Он и решил тогда обойтись без охраны. И правильно сделал – они в той ситуации ничем помочь не могли. Один из них бы погиб с отцом...

Да, так положено обычному боярину всего два охранника. А другим и этого не положено – мы живём в очень зарегулированном обществе. Денег ты можешь иметь сколько угодно, но положено боярину две машины – будут только две. А не являешься магом московского клана, автомобиль оставишь на пригородной парковке и поедешь на трамвае или такси. Поэтому по московским улицам так легко проехать...

Хотя количество таксистов я бы сократил вдвое! Расстрелами! Совсем оборзели!

Так о чём я бишь? А! Город казался чужим и странно узнаваемым. Совершенно не встретились высотки! С другой стороны я легко узнал здание ГУМа – там располагался не известный торговый центр, а товарные ряды для народа. Ну, вопрос только в немного другом названии.

А нам доступно всё заказывать на дом, тут играет роль количество денег. Приятно знать, что хоть в чём-то оно имеет значение. А так положено боярину только одно загородное имение площадью до десяти гектаров. Хорошо, хоть озеро туда не включили, вода общая.

Не! Вкладывайся в сельское хозяйство, сколько захочешь! Но приехал на предприятие и уехал – тебя с семьёй там веселить не обязаны, заняты люди. И доходных домов можешь сколько угодно закупить, но положено жить боярину в квартире или доме жилой площадью не более пятисот квадратов – и будет там ютиться.

Хотя ютиться – немного не то слово. Как только Миланья даже с помощницами справляется с уборкой всех двенадцати комнат, одной сауны, двух ванн и двух туалетов! Как приехали, зашли на первом этаже в отдельные двери, обошёл их все. Подолгу стоял в комнатах родителей и брата. Велел Миланье там ничего не менять, будто они только вышли...

Потом зашёл к себе переодеться, как следует себя рассмотрел в ростовое зеркало и немного успокоился – в целом пойдёт. Надолго угнездился в кабинете отца... не, это же кабинет боярина, то есть мой уже. Точно он должен стать когда-нибудь моим – брат Григорий не был чистым магом. У магов не всегда рождаются маги. Григорий мог развить разум и дух, но в истинном пространстве оставался бы слепоглухим. Наследником всегда считался я! То есть Тёма...

Ладно, это всё лирика. Я погрузился в отцовские записи, в ежедневнике делаю пометки, кого из управляющих, когда пригласить для доклада и какие вопросы я хочу задать.

В целом дела обстояли неплохо. Боярский род владел землёй, и она приносила хорошие деньги. Часть сдавалась в аренду, там средний бизнес построил промышленные предприятия, а часть сельскохозяйственного назначения – там процветали предприятия самого боярина, впрочем, входящие в холдинг.

Землю в княжествах никак было не купить, только Восточное Царство раздавало гектары, но опять же не боярам, и там самому требовалось работать. То есть с землёй облом, и папка немного оставлял на депозитах Московского банка, а основной частью доходов вкладывался в строительство и содержание доходных домов.

Лидировало в его операциях такого рода Казанское княжество, что совсем неудивительно – управлял этим татарин Мирзоев. Ну, я тоже не шовинист, пусть и дальше управляет. Только нужно указать ему на Ярославль и Муром, там, судя по записям, намечается бум.

Меня слегка озадачило налогообложение. С боярского рода драли шестьдесят процентов! Вроде, ничего не поделать, прогрессивная шкала, и бегать от налогов тут не принято. Не убежать от магов.

Но в казну Московского княжества отправлялось лишь десять процентов – сколько бы сняли по обычной ставке. Остальной суммой я смогу распорядиться сам, когда достигну совершеннолетия и выслужу гражданство. А до этого момента за меня распоряжается скромный московский клан.

Ну, ясно теперь, на какие деньги строятся крейсера и линкоры для флота Гардарики. А выслужить гражданские права я смогу самым простым способом – просто служить в боярской дружине.

Тридцать средних танков, да полк особой пехоты. Кстати, танки и пехота может разделяться. Служить там я могу хоть простым заряжающим или пехотинцем положенные три года, хоть закончить Кадетский корпус и стать командиром машины или возглавить взвод, или совсем не служить, закончить институт и просто залезть магом куда-нибудь в совет княжеств – всё равно боярский род будет содержать и вооружать свою дружину.

Для этого собственно предки наши наделялись землёй, а что потом получился капитализм, так никто не виноват. Ладно, хоть боярские привилегии остаются до совершеннолетия, и место в боярской думе за мной сохраняется, хоть и голосовать пока не могу.

Кадетский корпус – это больше сгоряча. С такими деньгами я могу пойти в любой университет. А потом? Папка как-то пролез в совет княжеств, и готовил к тому же сыновей, но от его работы там не осталось ни строчки. И никто за всё время меня ни о чём не спросил. Даже никто не высказал соболезнований – так его, видимо, ценили...

То есть, потом, после университета, для реального боярства я всё равно пойду в армию. Чем-то мне тётя Света не понравилась, нельзя давать ей столько времени. И мне-то уже известно, что ничем хорошим учёба в университете не заканчивается – опять влюблюсь и наломаю дров. Ну, что поделать – пойду в кадеты. Всё-таки образование.

* * *

Раньше на Артёмкины Дни Рождения приглашались дядя и тётя с кузенами и кузинами, одноклассники... Танечка обязательно. Но я-то никого из них не хотел видеть. Траур у меня! Никаких Дней Рождений!

Всю неделю общался с управляющими, занимался в обнаруженном маленьком спортзале, да Миланья по приказу папки подшивала четыре газеты и один журнал – вот освежал в памяти события за год. А персональных компьютеров не было даже у бояр – ещё не изобрели.

Первого вересня я накинул на плечо сумку, чмокнул в щёку Миланью и в сопровождении Авдея и Мухаммеда поехал в Кадетский корпус. Располагался он загородом, опять ехали через весь город.

Двухэтажные дома корпуса опоясывал кирпичный забор. На КПП мне и двум моим охранникам дали ещё и сопровождающего, и он проводил нас в высокое здание. На втором этаже я сдал документы строгой тётке в очках.

– Московский боярин? – усмехнулась она, проглядев бумаги. – Редкий случай.

– Такова воля покойного отца, – сказал я пространству перед собой.

– Ну-ну, – неопределённо хмыкнула она. – Тебя зачислят лишь на общих основаниях, – она поверх очков обратила взор на провожатого. – Проводите юношу в казарму.

Вышли из дома мои охранники, я и военный.

– Мы пойдём тогда, – сказал за двоих Авдей. – Служи достойно, боярин!

– Пока, парни, – сказал я, сделав им ладошкой.

Они ушли, мы с провожатым проводили их глазами.

– Запомни, пацан, – грозно обернулся ко мне военный. – Отныне ты не боярин, а курсант Большов!

– Угу, – выразил я согласие.

– Чего? – сразу взбеленился воин.

– А ты меня ударь, – дружески посоветовал я. – Не хочешь? Тогда выполняй свой долг.

Как следует отвечать в таких случаях?

– Так точно, – промямлил военный.

– Попробую запомнить, – улыбнулся я. – Ну, води в казарму.

В казарме один военный сдал меня другому и сразу ушёл. Я переодевался, а второй военный досадливо поглядывал на часы. Мы прошли на плац. Там наше отделение абитуриентов отрабатывало строевой шаг...

Господи! Как я возненавидел этот плац! Если мы не ели, спали, не проходили мед-тесты или не сдавали экзамены, то обязательно маршировали. Причём, в столовую, на спортплощадку, в аудитории или в казарму мы шли только строевым шагом. С песней.

Никто из инструкторов не поднял на меня руки, не повысил голоса. И это касалось всех учеников. Лишь монотонное:

– Упор лёжа. Встать. Упор лёжа. Встать...

Никого не держали, уйти собираться можно было прямо из строя. Мы провожали их глазами и думали, какого чёрта всё ещё стоим в строю!

– Упор лёжа. Встать. Упор лёжа. Встать...

Потом нас собрали всех вместе последний раз. Военный зачитывал списки:

– Авдеев восемь баллов, не прошёл, до свиданья. Акинфеев девять баллов, но не сдал кросс, до свиданья. Андреев девять баллов, физкультуру сдал, зачислен. Апанасенко десять баллов, физкультуру сдал, зачислен...

А припекало ещё по-летнему. Мы стояли смирно и слушали военного.

– Большов десять баллов, физкультуру сдал, зачислен...

Что? Я сдал?! Улыбка глупого счастья разлилась на физиономии. И так легко стало стоять смирно...

Ещё две недели строевых упражнений, и присяга.

«...пусть меня покарает рука моего товарища»...

Теперь нас можно не просто бить, отныне командир обязан убить каждого, чтоб добиться подчинения. Мы вышли на огневой рубеж, всего по три патрона, чтоб привыкали. По очереди заступили на охрану оружейки. Ночами никого, хоть умедитирусь...

– «Стой, кто идёт!» – а в руках винтовка, и уже дослана в ствол чья-то смерть.

Через месяц начались занятия. Мы встретились со старшими курсами...

– Ух-ты, кузен и правда здесь! – радостно сказал Миша, старший сынок тёти Светы, и перешёл на злобное шипение, – Ну, теперь тебе учёба покажется адом!

– Хорошо, – ответил я спокойно. – Тебе глотку прямо сейчас перегрызть?

Миша сразу не нашёлся с ответом.

– Ну, как хочешь, – улыбнулся я. – Перегрызу как-нибудь потом.

– Сразу видно, что боярин-барчук! – вспомнил он правильное продолжение.

Я презрительно отвернулся – как раз шли на следующий урок. Командование считает, что мы должны быть культурными. Мы встали у парт. Прозвенел звонок. И вошла она...

– Я Екатерина Васильевна, – сказала нам элегантная барышня. – Буду вести у вас английский и основы этикета.

«Катя»? – смотрел я на неё во все глаза. – «Что она здесь делает»?!

* * *

Очнулась Катерина в больничной пижаме, уже в Москве, в официальном госпитале Московского княжества. Туда её переправили литерным авиарейсом из просвещённой Германии от греха подальше. Не доверяют эти русские варвары европейской медицине, значит, и ответственность за состояние этой небедной русской вся на них.

Катя же с момента, когда пришла в себя, хорошо понимала, в чём причина её такого самочувствия. Всё дело в приказе её боярина. Она может быть сильнейшим магом и быть его гораздо умнее, но он её боярин. Катя сама принесла ему клятву мага, и её боярин получил над ней полный контроль.

Хотя Андрея дураком точно не назовёшь. Дураки не становятся резидентами разведки Гардарики, тем более на столь важном участке – в Берлине. Пусть она чего-то не понимает, ей и не полагается всего понимать. Что входит в круг её обязанностей, ей в своё время скажут.

Сначала кто-то из врачей или медперсонала, кто в курсе магических дел, сказал ей на ушко кодовую фразу. Её забытьё перешло в простой сон, она через час-полтора проснулась и быстро пошла на поправку. Да так, что уже следующим утром сразу после завтрака получила на руки все документы и на такси уехала домой.

В бумагах значилась потеря сознания из-за переутомления, и рекомендовался легкий труд. Она на своей уютной кухонке сварила крепкого кофе и села в гостиной за столик поджидать куратора. Он, конечно, не замедлил явиться.

Её время дорого, уж это точно знали в конторе, что направляла таких цыпочек в Берлин. Куратору не пришлось корчить из себя водопроводчика или газовщика. Он был просто Катиным одноклассником и тайным её воздыхателем, что, впрочем, совсем ему не мешало быть безжалостным начальником.

Вот отпили они по полчашки кофе, обменявшись фразами о самочувствии и погоде, и куратор перешёл к делу:

– Ты действительно неважно выглядишь, Андрей прав – тебе давно следовало отдохнуть от Европы. Да всё повода не подворачивалось.

– А теперь подвернулся? – тонко усмехнулась Катя.

– Да, – запросто проговорил куратор. – Андрей передал точные сведения о затее Штанмайера. Пока случился сеанс у немцев, потом тебя везли, мы собрали данные о несчастных случаях по стране на эти дату и время. Правда, по Восточному Царству сведения ещё уточняются, но вряд ли это изменит картину. В общем, пока ты проверишь только одного из обнаруженных, подпадающих под условия переноса...

– Я проверю? – в весёлом ужасе проговорила Катя.

– Да, ты проверишь, – не смущаясь, ответил парень. – Мы не можем его отсканировать. Мало, что маг, он является боярином. Тебе придётся затащить его в койку.

– Фи! – скривилась Катерина.

– Вполне симпатичный молодой человек, – возразил куратор. – Всего шестнадцать лет.

Он выложил на стол из кармана несколько листов и распорядился:

– Здесь кратко его история и психологический портрет. Читай при мне.

Катерина с серьёзным лицом взяла бумагу и углубилась. Куратор невозмутимо пил кофе...

Наконец, она так же серьёзно свернула листы и протянула ему.

– Проверить квартиру боярина мы, к сожалению, не можем. Впрочем, его отец был ответственным человеком и, скорее всего, не хранил записей о работе дома, – сухо проговорил парень. – Мы обратились в его совет, его сыну не принесут даже соболезнований. Он должен пойти в кадеты...

Куратор из другого кармана вытащил стопку бумаг и пояснил:

– В том корпусе заболела учительница английского, поздравляю, тебя приняли, – он позволил себе улыбку. – После моего ухода через полчаса ты с этими документами на своей машине поедешь на новую службу. Мальчик пока лечится, но быстро идёт на поправку. Думаем, успеет поступить. А ты пока войдёшь в процесс. Потом заеду к тебе в выходные на чашку кофе.

– Так точно, – мрачно ответила Катерина.

– На этом со службой покончено, – парень откровенно огляделся и проговорил благодушно. – А миленькая гостиная! Жалко, что я не видел других комнат. Покажешь?

Катя допила кофе и сказала сухо:

– Нет.

– Выгоняешь, что ли? – возмутился он.

– Да, – спокойно проговорила Кэт. – Проваливай, куратор.

Пришлось парню идти к двери и бормотать извинения. Его, видите ли, опять не так поняли. Когда за его спиной Катя шумно закрылась, он напомнил себе, что у всех магов невозможные характеры, даже у красивых девушек...

* * *

Первые недели Екатерина знакомилась с коллегами и входила в курс новой для себя профессии. Стоит ли говорить, что все учителя являлись магами? Она в жизни ещё не видела столько магов!

Собственно это было главным условием приёма – а то ж среди курсантов тоже хватает магов, так они у не-мага легко спишут, и вообще будут делать ему мозги. Вот её предшественница Тамара Сеймуровна была настоящим маг-педагогом! Да сил у бабушки уже мало, доктора посоветовали лёгкий труд – пишет мемуары.

Считали коллеги Катю молодой пигалицей, но с зубками – юным курсантам не светит. А в остальном со временем научится. Коллеги и не думали прятать своё мнение, но сильному магу с другими магами намного проще, честнее.

Вот от учебной части Катя аж умилилась. Не! Платили за образование меньше, чем за шпионаж, но плевать на деньги – она готова была остаться навсегда! Кстати, платили учителям весьма и весьма. Только её присяга мага своему боярину...

Ну, полгода отдыха, если не совсем ещё дура, у неё точно есть. А там, может, и больше. Требовать от неё затащить малолетку в кровать на территории княжеств никто не вправе – за это суровая статья. Разве что по очень большой любви... Тем более их первый год практически не выпускают, только на Зимние каникулы за особые заслуги...

К тому же от неё не только требуется составить мнение о курсанте, а вести как следует всех курсантов! Начались занятия. Знали ребята по предмету много, но произношение! С её музыкальным слухом просто пытка. Тем более молодые волчата не могли уяснить важность этикета. Какие могут быть манеры с теми, кого твой долг просто загрызть? А свои тебя любого поймут!

Никого не выделяя, Катя всё-таки следила за курсантом Большовым. Он смотрел на неё влюблёнными глазами, но так же выглядели все его одноклассники. Пацан явно мучился комплексом самозванца, но от него страдали все молодые маги, то есть, примерно, треть его группы. Мальчишка стремился превозмочь всё, даже непонятное, стать самым-самым. Но конкуренция в его группе вообще жуткая – в ней даже не-маги самые-самые!

Она наряду с другими пацанами спрашивала его с места и вызывала отвечать к доске. Курсант Большов так же покрывался красными пятнами и, влюблённо на неё глядя, чётко отвечал задание. Как все.

Он не критиковал строй Гардарики или Московского княжества. Не высказывал пренебрежения или восхищения устройством их вооружённых сил. Парень хотел стать во главе своей дружины, но и не более того. Только потому, что стал боярином, а не из-за некой, лишь ему известной войны.

На любом другом курсанте Катя поставила бы крест – это точно не попаданец. Но она чувствовала – пацан станет намного более могущественным магом, чем сама Катя. Что там, он уже во многом с ней на равных. Его просто опасно тащить в кровать – оттуда Катерина может выползти его вещью. Но с другой-то стороны это её так заводит. Она даже себе не признавалась, что немного в него влюбилась...

Так и сказала куратору поздней осенью, когда тот в выходные заглянул к ней испить европейского кофе, что ничего не гарантирует. По всем признакам мальчишка явно не то, но есть в нём что-то...

Куратор с серьёзной харей пошёл на раскрытие служебной информации. Всех возможных кандидатов в Гардарику, Восточном Царстве и Королевствах проверили и попаданца не нашли. Европейские не-партнёры возились дольше, но по всему остальному миру примерно те же результаты.

Что имеем итога? Если заклинание сработало, как следует, а в квалификации Штанмайера никто не сомневается, то имеем всего два варианта. Попаданец, либо остался где-то в диких джунглях или горах, то есть им можно пренебречь, либо это Артём Большов.

И очень неплохо, что он стал боярином, пусть он и маг. Ведь на основании доказанного попаданства его можно боярского звания лишить. Очень удобно заполучить не только попаданца, но и ручного Московского боярина.

Катерина потребовала от куратора изложить преступный приказ в письменном виде. Документ, конечно, в случае чего, не смягчит наказания, но и куратор получит свою часть. Парень попытался увиливать, угрожать...

Катерина поставила вопрос ребром. Или она сию секунду уходит со службы, и ей плевать, или куратор пишет приказ. У неё если что хватает денег, она на край вон учительницей языков устроится в любой магической гимназии! А куратору ещё придётся поломать голову, кто сможет подкатить к боярину Большову!

Деваться куратору некуда, написал он приказ, и тот час был традиционно выставлен Катериной за дверь. Она бумажку аккуратно убрала в сейф и вернулась к своим обычным делам. В выходной съездила в стрелковый клуб, а в будни поехала в Кадетский корпус.

Всё пошло по-старому, лишь с получением приказа Катерина смотрела на Тёму иначе, как-то по-хозяйски. За день до Зимних каникул она дала свой телефон курсантам, кто удостоился по всем пунктам провести их дома. Сказала, что сильно переживает за успеваемость ребят, а тут такой долгий отдых. На дому она готова всех их подтянуть.

Первого студня позвонил Артём...

Глава 4

Теперь у пытливого читателя возникает вопрос:

– Неужели в Европе все такие дураки?

И мы вынуждены констатировать прискорбнейший факт – конечно же, нет. В Европе всегда было много магов. То есть умных людей, чья природа вынуждала их отдавать миру разум и силу духа.

Если рассуждать беспристрастно, маги почти ничем от просто умных людей не отличаются. Они имеют значительное преимущество в коллективных делах, когда толпа должна действовать как один человек, особенно это касается боевых действий.

Неудивительно, что в суровой Гардарике маги заняли лидирующее положение почти во всём. Они бы заняли лидерство просто во всём, но их очень мало – не более одного процента от числа населения, если экстраполировать европейскую статистику.

Свою-то маги Гардарики не ведут или успешно засекретили. Они выискивают молодых людей даже с проблесками способностей, как-то устраивают браки – ну, может быть, всяких магов у них всего полтора процента от двухсот пятидесяти миллионов. Это сравнимо с населением крупной европейской страны!

Но не Европы в целом. Пятьсот миллионов – это вам не шутки. Не будь на свете магов или бы они стали не так сильны, тогда Европа показала бы Гардарике Кузькину мать! Тогда бы ого-го! Тогда бы дикое пространство европейцы легко бы колонизировали, разделив его на десятки удельных княжеств...

Ладно-ладно! Гардарика и так, вроде бы, разделена, только это никак европейцам не помогает. Речь пока о древности. Вот тогда у магов на Европейском континенте не было особых затруднений, кроме самих европейских магов. Кстати, первые маги в Европу пришли вообще с югов, и им среди варваров очень понравилось.

Устроили они, конечно, разборки между собой и включились в дразги других господ, но отгребели религиозные войны – маленькую Европу разделили меж конфессиями, престолами и банкирскими домами. И зажили маги практически как у Христа за пазухой. Просто подерживай своего властелина, гнобь всех, кто хочет к нему примазаться, а воевать уже не требовалось – для этого всегда полно простолюдинов.

Не все маги так зажили, но редко опускались ниже среднего класса мастеров – на их счастье умные не-маги придумали капитализм. Маги Европы и всего мира всегда прислуживали умным не-магам. Ну, зачем, спрашивается, куда-то лезть, когда так просто стать другом сильных мира?! Полезным другом – потребность отдавать миру никто не отменял.

Если только ты не живёшь в Гардарике. Кстати, только это, «чуждое», скандинавское название прижилось у купцов, князей, бояр и их бойцов. Но кому она, вообще, была нужна с её морозами и снегами?

Первым она понадобилась туркам, то есть Блистательной Бизантии. Ну, очень захотелось империи зерна из Северного Причерноморья. И сколько уже всему миру известный Понт будут называть Русским морем!

Ту Бизантию турки устали покорять оружием, а греки, в свою очередь, изнывали от произвола русских варваров. Баню им в любое время, торгуют беспопылинно, да ещё флот через проливы норовят протолкнуть без платы! Кто ж такое стерпит!

Ну и терпели очередной поход на Царьград, не считая набегов на земли империи и союзной ей Болгарии. Да так терпели, что от крестового похода просто отмахнулись – вам-то что у нас понадобилось?

Турки были повсюду, и в самой империи, и в союзной Болгарии. Вот они со временем, исчерпав все вооружённые методы, предложили всё упростить. Оставили лишь самоназвание –

а так подмяли под себя всё, включая союзную Болгарию, и над бывшей одряхлевшей империей вознёсся гордый Полумесяц. Империя приняла Ислам!

Воины Ислама присоединили к империи весь Аравийский полуостров, разгромили войско Египта, в Тунисе, Алжире, Мали, Марокко и Ливии воздвигли зелёное знамя! Его воины захватили Иберийский полуостров, штурмовали Вену!

И турки с греками регулярно терпели от варваров с севера. Баню им? Да хоть круглосуточно! Торговать беспошлинно? Да что той торговли! Королевство молдаване хотят своё? Да Аллах им в помощь! Флот через проливы без денег? Да пусть лезут себе! И так целое море называется Русским, нерусское там даже бревно долго не проплывает.

А остальное империи вообще не касается! Ну, варвары с севера устраивали карательные походы на Кавказе, в Закавказье и Средней Азии, вроде как, в ответ на набеги разбойников. Хотя каждый раз клялись, что это последний и вообще не считается. Мурзы подсказывали султанам, что северяне так тренируют своих молодых.

Вот а когда Англии что-то понадобилось от Гардарики, та сбывала зерно и другие плоды своих земель на юг. А чтобы всякие не сбивали цены, из-за своего малолюдства, и чтоб чем-то занять нерусские княжества, устраивали набеги. Страдали все пограничные страны. Особенно Польша.

Пэры и сэры не смогли с тем мириться. Или им просто потребовался дешёвый европейский хлеб. Ну, так же красиво придумали! Своих крестьян согнать в работные дома или во флот, чтоб работали за еду!

Только еды почти что и нет. И пограничные с Гардарикой страны страдают.

Договориться с русскими, чтоб они сами себя победили, урезонили бы своих степняков, никак не получалось – степняки с одобрения русских и развешивали всех европейских эмиссаров, не взирая на личины.

Перешли к плану «Б», добавили приграничным странам немного координации, денег и вооружённой силы в виде экспедиционного корпуса в Польше. А то чего они – совсем берега попутали!

Считалось, что Гардарика ослабнет, полезет Блистательная Бизантия, русские пойдут на переговоры, и у сэров и пэров всё будет. Вот только Блистательную Бизантию уговорить подключиться к коалиции сразу не удалось даже экономически – слишком она зависела от поставок продовольствия. Но Диван выразил горячую моральную поддержку!

Гардарика не торопилась. В первый год они разгромили армию датчан, шведов и норвежцев, что подошла к Пскову, и степняки пошли в Прибалтику. Магов с обеих сторон хватало, вот только европейцы больше занимались разведкой, связью и планированием, охотников умирать в рукопашной со своим отделением у них нашлось мало.

Не помогало даже европейское превосходство в огнестрельном оружии! Ну, порох штука опасная. Третью русские лазутчики уничтожали при транспортировке, ещё треть в вагенбургах. А треть, что осталась, просто не вывозила против хорошо натренированных конных лучников и пеших арбалетчиков и копейщиков.

Гардарика временно сдавала города и сёла, русские погибали на пороге своего дома. Эти варвары как ничего не знали о просвещённой европейской войне! Так не будет пощады дикарям!

На второй год войско русских разгромило поляков, а экспедиционный корпус англичан попробовал отойти, сжигая всё за собой, бросая обозы. Судьба его настигла у переправы. То есть успели переправиться четверо, участь остальных незавидна. Степняки взяли за Польшу.

Ещё два раза англичане собирали экспедиционный корпус, отсылали деньги и эмиссаров в Копенгаген, Стокгольм и Осло! Ещё два раза созывалось Польскими Королями Посполитое

рушение! Ещё два раза подходило войско норвежцев, датчан и шведов к Пскову! Диван слал слова поддержки всё горячее!

Вот-вот Гардарика должна была развалиться от перенапряжения! Они должны уже снять последнюю рубаху! Пограничные княжества останутся в одиночестве, степняки накинута на русских!

Гардарика не спешила, только перепоясалась, а с рубахами у неё был полный порядок. Только у воинов её появлялось по отличительному знаку за каждое новое сражение. Вот разгромили войско бывших викингов, потом поляков, а затем очередной экспедиционный корпус.

Прибалтику и Польшу просто вытоптали кони степняков, там началась гуманитарная катастрофа – люди умирали с голоду и от болезней. Королю Англии отрезали голову свои же верноподданные, моря на долгий век захватили голландцы, а Короля Польского выгнал сейм, и он тупо спился при дворе короля Франции. Королям Дании, Норвегии и Швеции парламенты указали путь. Диван перестал понимать, о чём речь. Самое время заключать договор!

– А зачем? – спросят в Московском княжестве.

– И кто это будет делать? – пожмут плечами новгородцы.

Гардарика только прекратила сбор с княжеств для отражения внешней угрозы, вернула обычную ротацию дружин. Ни у кого из бояр не мелькнула мыслишка половить рыбку в мутной водичке предательства. Все смотрелись молодцами! Если нет нашивки хоть за одно побоище, то и не боярин вовсе.

А войну никто не останавливал, как некому было её начинать. Прибалтика обезлюдела, и Новгород просто занял территорию. Дания, Швеция и Норвегия за пятьдесят лет заключили с Новгородом такие договоры, что после признания их всеми княжествами и Молдавским королевством сами стали королевствами Гардарики. А Польша просто не нужна, пусть за неё грызутся французы с австрияками.

В портах новых королевств спокойно базируется военный флот, и на нём охотно служат их жители. Вообще, с них полагаются дружины в общее войско да кому эти неруси там нужны! Проще уж с печенегами, пусть потомки викингов остаются с кораблями.

А на корабли Англии, впрочем, как и всех других европейских стран, продолжались нападения в водах Балтики и Северного моря. Мир русские признавали только в портах. Даже в своих! Ну, теоретически! Если какая-то иноземная лохань и прителипается, её не потопят! Подождут, когда уйдёт.

Русские расторгались хлебом и прочим продовольствием, для них гордые британцы сделали исключение в Навигационном акте. Дескать, кроме судов Гардарики с грузом продовольствия. В остальном же дела у Британии пошли без особого блеска.

Не работала концепция, что мы нападём, если вы способны создать флот, сопоставимый с нашим. Споткнулась на Гардарике. И не было достаточно дешёвого хлеба, у себя всё огордить не удалось. В результате не было у Британии слишком сильного флота, чтобы доминировать над остальными.

В Америке с Индией были сильны владения Франции, Испании, Португалии и Голландии. Хотя индейцам с индийцами от этого не легче, но это лирика исторического процесса. Главное, англичанам пришлось потрудиться ради места под солнцем. Да все суетились!

Только Гардарика словно уснула на века. Её честно пытались втравить в разборки, но добились лишь участия со всех сторон русских добровольцев. Для опыта, как они сами же и признавали. Ещё Гардарика традиционно воевала с кем-то на Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Но кого когда-нибудь волновало этакое захолустье? Даже Британии стало не до него.

Шли века. Власти всех стран совершали все возможные ошибки, кроме Гардарики. Некому было посылать флот и армию в Италию. Некому было обещать свою сестру Наполеону. Уж насколько был беспокойный человек, и тот смирился с вечным нейтралитетом русских.

Некому было обижать принцессу Викторию, и некому было спасать Австрийскую империю. Венгрия стала свободной, а Блистательная Бизантия оставалась всё такой же Блистательной – просто некому было их оскорблять.

Никто не приехал в Токио и не получил там мечом по голове. Некому было подарить японцам рыбные промыслы возле своих земель, да возле чужих русские ни с кем не церемонились, что весьма осложняло судоходство. Ну, какой смысл Гардарике поддерживать мир на морских дорогах в чужих пока водах!

Японцы бы собрали флот для нападения на Порт-Артур, но не было его у Гардарики. А был защищённый расстояниями, сопками и батареями крепостных одиннадцати дюймовок «пиратский» Владивосток, откуда выходили под водительством магов на свободную охоту крейсера. И плевать им на мир, как плевать на Японию.

Гардарика как-то умудрялась всех пинать, ни с кем персонально не воюя. Они даже не предоставляют никакого иммунитета дипломатам. Некому назначить господина, кто от имени великой страны подмахнёт документик.

Каждый иностранец просто являлся заложником за тех жителей Гардарики, кто отправлялся за границу. Первым Московские власти обычно вешали так называемого посла или выдавали его княжеству, чей был пострадавший, и вешали там.

Как жестоко и коротко Гардарика мстила за своих, так же бесчувственно она относилась к чужим. Австрияки и турки соревнуются, кто больше истребит сербов? Страсти какие в этой Европе! Немцы вошли в Париж? А французы? Плачут! Ну, умора! Ничто не могло вовлечь Гардарiku в Первую Мировую Войну.

Никто не смел тронуть этого спящего гиганта. Ну, чего во сне не сделаешь. Но с другой-то стороны в каждом европейском уме мерцала мыслишка – тридцать четыре княжества. Четыре королевства и царство. И ресурсы Европы не бесконечны, а Гардарика на них просто сидит.

После мировой бойни европейцы одумались, собрались в кучку под крылом Германии и «так и не победившей» Франции. Только Британия как всегда себе на уме, хотя и участвует во всех европейских программах. Ещё Америка, но там всё сложно. Конфедерация трёх союзов может оказать только моральную поддержку и немного экономическую.

Блистательную Бизантию можно не считать. После мировой бойни потеряла она Грецию, все провинции в Африке и на Аравийском полуострове. Там возникли новые государства, а метрополия просто чудом не прекратила существование. Хотя какие там чудеса – Гардарика под самый уже конец лениво подняла бровь. Значит, с той стороны не будет даже моральной поддержки.

Но ведь тридцать четыре княжества, четыре королевства и царство! Как бы только толкнуть эту мысль русским. У них на земле никак нельзя – за пропаганду там слишком жёсткое наказание. А НКО называется на всякий случай вражеской, и участников просто убивают.

Вот у себя в Европе очень даже можно попытаться засрать мозг какому-нибудь русскому.

– Ну, вы только вдумайтесь в эти цифры, херр Крейц! Тридцать четыре княжества, четыре королевства и царство! – вешал с кушетки благообразный господин.

А Андрей его внимательно слушал и думал, что очень правильно он отослал Катю. Выживет, если не дура, а ему и всем его агентам хана. Европейцы просто обязаны кинуться на Гардарiku. Уже скоро. Интересно, а наши это понимают? Готовят что-нибудь на случай большой войны?

* * *

Конечно, чтобы сделать этот невинный звонок, мне пришлось неслабо поработать. Просто не всех отпускали на Зимние каникулы, только трех самых круглых отличников. И занятия с Катей выдались не самыми сложными...

Господи! Как я её, оказывается, любил! Понял это только сейчас! Даже убрав на минимум функцию размножения, а оно совсем не ноль, как мне подумалось вначале! Вот даже на минималках её уроки стали для меня сладкой мукой и наградой.

Хотя, боюсь, что все ребята нашей группы в неё влюбились – женщин же нет, а Катя реально симпатичная, фигуристая девчонка. И нужны ведь пацанам какие-то стимулы для преодоления тягот.

Мы в группе крепко сдружились. Что ещё остаётся делать, когда спишь в одной казарме, вскакиваешь за минуты, стоишь в одном строю на зарядке или на строевых занятиях, ешь с ними за одним столом и старательно морщишь лоб на одних уроках. Лучше излучать любовь к ближнему, даже если ближний готов перегрызть тебе глотку.

Конкуренция жуткая. Ежеминутно вбивается, что мало бежать быстро – нужно бежать быстрее товарища. На каждом уроке преподаватели, даже Катя, назначает самого, на их взгляд, неактивного курсанта, и выписывают час строевой подготовки. Поэтому все всё знают, и на любой вопрос учителя лес рук.

Строевая в будни случается вместо часа из тех двух, что выделяются для самоподготовки. Катя отчего-то в лузеры через урок или два записывает меня. Несмотря на мою активность. Я даже руку перестал тянуть. Зачем, когда и так всё по предмету знаю. Всё равно, раза два-три в неделю тяну носок.

Я быстро научился во время шагистики «думать о своём». То есть не жалеть себя, не думать, какой я стану крутой и всех их в бараний рог согну – вовсе нет. Просто каждый урок задают задачи, требуется всего лишь на переменах все условия правильно запомнить и на плацу решить в уме, чтоб потом за остающийся час только красиво оформить.

И делать это нужно незаметно, с непробиваемым выражением лица – а то ж запросто угодить на «индивидуальные» занятия. То есть всё то же самое, но под особым надзором дежурного ефрейтора. До ужина.

Это дополнительное удовольствие, а основное – когда по воскресеньям всем первым курсом готовимся к очередному параду. По три часа. У ребят старших курсов парады позади, у них другие задачи. И преподаватели же отдыхают, кроме физкультурников – у них текущий график.

Зато в воскресенье нет возможности загреметь на дополнительные строевые, и на самоподготовку даётся аж три часа! И ещё целый час личного времени!

Впрочем, его тоже тратим на самоподготовку.

Как, спрашивается, обошлось без нервных срывов? А преподаватели через одного вдобавок психологи. Проницательно глядя в глаза, просят зайти в медкабинет. А оттуда одним путём – в обычную часть приходиться в себя.

Ну, мы же все под присягой! В Гардарике в мирное время служба добровольная, берут как раз с шестнадцати лет. Вот отслужит парень спокойно три годика, укрепит нервы, тогда командование может направить на обучение в обычное училище. А иначе, без направления командования, в училище не попасть.

И без всякого юмора спокойно отслужит! У них же только политзанятия, физкультура и специальная подготовка, то есть без всех этих дисциплин, главное – без этой бесконечной гонки!

У нас тоже каждое утро начиналось с физкультуры. Причём, зарядку с обязательной двухкилометровой пробежкой не считаем. Вот, значит, зарядка, завтрак, потом час политзанятий и до обеда сплошная физкультура. У первого и второго курсов разом! Вот когда Мише учёба показалась адом!

Ну, задают же спарринги постоянно. Меня редко стали выбирать, могу и покалечить, а травма это комиссия и отчисление со всеми вытекающими. Так я сам выбираю Мишу

или кого-нибудь из его группы. Всего-то на год меня старше, а понтов! Было. Я вот думаю, когда он сам попросится в обычную часть...

Но это всё глупости, конечно. По два часа в день мы развиваем своё тело, свой дух. Работаем с тренажерами, с манекенами, друг с другом, с инструкторами. После каждого интенсивного контакта инструкторы шлют нас на правёж – медитировать, усиливать силу духа.

Мы офицеры, обязаны быть сильнее любого солдата. Чтоб не пришлось его стрелять в ответ на пьяную ругань – такое случается в любой армии.

Мы станем офицерами, и нам только для учёбы потребуется нешуточная сила духа. А как вести людей на смерть, точно зная, что на смерть! Чтобы просто быть офицером, требуется сила духа, как у десяти солдат.

И многие из нас маги. Я всё ждал боевых заклинаний, разных фаерболлов и молний. Хорошо, что молча ждал, за меня эту глупость сморозил однокашник Федя. Инструктор смеялся!

Ну, некоторые маги обладают таким духом и разумом, что способны создать огненный шар. Только зачем он, когда у простого солдата есть винтовка и гранаты! Может, дать магу просто пистолет, и пусть он тратит силу духа и разум на что-то более эффективное?

Маг способен охватить умом картину боя и просто почувствовать усиление или ослабление противника. Он физически ощущает каждого своего бойца, его воля направляет действия отделения. Сильный маг способен чуть ли не внушать своим солдатам идеи!

И мы переходили к побоищам стенка на стенку. Часто разделяли наш поток, и ребята сами выбирали из магов командиров. Меня выбрали аж четверо самых крупных наших немагов. Ну, своих мы не бросаем, а меня инструкторы частенько ставили против старшего курса. Большая честь, ведь кадетов второго курса намного меньше, чем первого. Часто против Миши!

Как он терпел такое – не представляю!

Зато с физкультуры строем, с песней весёлой, шли на обед, а там и нормальная учёба, которая, правда, могла закончиться плачем – но это уже мелочи.

И ведь в школе я этого точно не проходил, предметы подавались тоньше, глубже. Задачи задавались намного сложнее. Главное, что в классах мы чувствовали себя людьми. И целых два раза в неделю была Катенька!

Наверное, только из-за неё я вытянул этот полугодовой кошмар. И немного из-за сверстников – они ведь тянут! Но вот вытянул, сделали нас солдатами, и мне захотелось смеяться! Такая ерунда!

Только Катенька...

Я ни секунды не забывал, кто я и откуда. Другие преподаватели часто вспоминали её предшественницу – вот Тамара Сеймуровна в таких случаях говорила то или это. Я отметил для себя, что Катя появилась с моим поступлением.

Дополнительные занятия строевой сейчас кажутся мне полезными, но тогда-то Катя явно старалась меня озлобить, вызвать какую-то реакцию. Или обратить на себя внимание?

Потом я стал одним из трёх курсантов группы, кто удостоился провести две недели Зимних каникул дома. Остальных ждал лыжный поход – на нас однокашники смотрели просто влюблено! Многим не хватило паршивых одного-полутора баллов...

Хотя я сам заставлял себя учиться. Но придумала дополнительные занятия только Катя. Другие учителя ни о чём таком не заикались. Причём только для нас троих. Очень интересная девушка!

Мы трое на гимнастёрки, сюртуки и шинели сами пришили шевроны с эмблемой Московского Кадетского Корпуса, приклеили руны «искра» и «начало». Надели парадку, полюбовались собой в зеркало и, сетуя на то, что в корпусе разрешение на съёмку нужно подписывать у командования, двинулись к КПП.

Там предъявили предписания на двухнедельный отпуск, и пошли дружной стайкой на трамвай. По пути с особым вкусом козыряли встречным военным. Я даже посетовал в душе, что их встретилось всего двое.

На трамвае доехали до станции метро, сели в один вагон. Только Федя и Серёжа сошли раньше, им пересаживаться на другие ветки. Я сам потом менял поезда, козырял военным и предъявил предписание военному патрулю.

Можно было без всего этого обойтись, попроситься позвонить из деканата, и за мной бы приехали. Но эта сердитая тётка! И ждал бы я авто в пустой казарме, ребята все уже ушли с утра в поход.

Уж лучше так! Обрадованные и растерянные лица Авдея, Мухаммеда и Миланы! Кстати, ничем предосудительным в моё отсутствие они не занимались.

Вот чудачки!

Но это на их совести. Я испил с дороги чаю с плюшками и позвонил Екатерине...

Глава 5

Повторюсь, затащить Катю в койку и мысли не возникало!

Ну, там, в другом мире. Здесь я боярин, должен это сделать хотя бы для конспирации. Тем более там не здесь, эта какая-то другая Катя. В любом случае, старше. Ненамного, но всё-таки.

Значит, позвонил я ей, а она такая:

– Какой боярин Большов? Ах, курсант! Ёлки! Я думала, что просто так принято, никак не ожидала звонка!

– Но ты ведь маг и не могла такое просто ляпнуть, – сухо напомнил я. – Тем более дать верные цифры.

– Ой, ты слишком много требуешь от девушки! – весело воскликнула она. – Тебе действительно больше нечего делать?

– Действительно, – сказал я честно.

– Тогда приезжай... э... к шести, – сказала она. – Только прихвати чего-нибудь к кофе. В Европе нынче Новый Год.

– Хорошо, – ответил я и повесил трубку.

Без семи минут шесть я вышел из машины у приличного подъезда. Успокоил Авдея и Мухаммеда, что сам отлично чувствую агрессию, взял тортик и приказал дожидаться меня на парковке.

Поднялся всего на второй этаж. Девочка явно не из бедных. Хотя на третий звонок открыла сама, а не домработница.

– Какой ты! – воскликнула Катерина, принимая у меня торт. – Привет! Раздевайся, проходи.

– Здравствуй, – сказал я солидно.

Неторопливо снял шапку с кокардой Сухопутных Сил Гардарики, положил на полочку и, повесив на крючок шинель, весь при параде осанисто проследовал за хозяйкой. Ну, я просто обязан носить форму. Вот выйду в отставку или получу предписание, разрешающее носить гражданку... э... ещё подумаю.

Катя тоже была такая ничего себе. Синее платье с пристойным вырезом, длинной до коленок, с белыми погончиками и белым поясом с большой фигурной пряжкой, а на миленьких ножках маленькие белые лодочки на тонком высоком каблуке.

Она провела в гостиную, где уже был сервирован кофе. Велела мне присаживаться пока к столу, а сама пошла с тортом на кухню. Вернулась, неся его на блюде уже разрезанного. Уложила нам на блюдца по куску, уселась и предложила по-английски:

– Только давай говорить на английском. Ты же заниматься пришёл.

Я покивал, пережёвывая пирожное, и спросил на преподаваемом ей языке:

– Почему у нас английский, а не немецкий? Мы ведь военные!

– И кто с такими страшными вами захочет воевать? – уточнила она насмешливо.

Я решительно взял салфетку, удалил крем с носа и важно молвил:

– Но всё-таки?

– Вам могут попасть не только немцы, а французы, поляки, итальянцы... всех не перечислишь, – весело ответила она. – Все офицеры должны знать английский. А для допроса солдат достаточно разговорника...

Короче, в тот раз не дала, да я особо не надеялся. Ну, в тот раз. Зато следующую нашу встречу назначила на завтра! Сказала, что у неё в холодильнике тортик до завтра ещё будет свежим, а мне много сладкого в один присест вредно.

Вот только о тортиках и думать небедной девочке! Другой же можно купить! Ладно, купил цветов...

Ну, торт же ещё оставался! Вот и Авдей с Мухаммедом это никак не комментировали. Купил я, значит, цветов и весь красный, но при параде, поднялся на второй этаж и позвонил ровно в шесть. Катя открыла уже в другом платье, в белом с крупными красными горошинами, и вырез чуть выразительнее.

Цветы поставили в вазу и доели торт. Она присела уже намного ближе. Я читал английскую газету и будто случайно касался её коленки. Катя строго говорила:

– Не отвлекайся, – убирала мою ладошку, следила за строчками и поправляла моё про-изношение.

Ужас просто, какие глупости пишут в английских газетах!

То есть на второй день тоже не дала, хоть и надеялся я немного больше. Но всё-таки назначила новый сеанс на завтра. Оказывается, я не понимаю главного!

Нельзя относиться к врагу так... э... по-вражески. Пока для меня враг тот, на кого укажет командир, я просто пёс. Но я ведь офицер! И боярин! Для себя, для собственного уважения нельзя унижать врага. Нужно понимать врага...

Ну, думаю, ладно. Если она и в третий раз не даст! То я... я... э...

В общем, купил я торт и цветов...

И плевать, что подумали Авдей и Мухаммед!

Поднялся на второй этаж с картонкой и букетом весь красный и в парадке. На третий звонок Катя открыла в бело-зелёном платье из таких как бы треугольников, и я решительно взглянул ей в весёлые глазки!

Цветы поставили в другую вазу, ели торт, Катя мне что-то доказывала, а я ей возражал не впопад и как бы случайно гладил коленку. Она даже не заметила, и я оборзел – сам перешёл в наступление и стал говорить на ушко, в каком виде хотел этих её врагов, обняв Катю за талию.

Тут она засмеялась, попробовала высвободиться... и я её поцеловал. Просто в щёчку. Катя замерла вдруг, глядя на меня удивлёнными синими глазками, и я поцеловал её в другую щёчку. Она приоткрыла розовый ротик, видимо, что-то хотела сказать – я не вдавался, просто впился губами в эти губки.

Она не возражала, то есть ответила на поцелуй! Ну и взрослая уже девочка просто целоваться, начал её раздевать по ходу поцелуев. А она меня! И дала, конечно, прямо на диванчике. Первый раз... то есть разы почти без разговоров.

Потом ещё три дня мы сперва делали вид, что за день до этого ничего особенного не случилось, друг друга убеждали и прямо на диване переходили к этому ничего особенному. На четвёртый день Катя сразу сказала, что ей нужно со мной серьёзно поговорить.

Я налился суровостью и сделал серьёзное лицо. Она заявила, что то, что между нами происходит, для неё значит намного важнее, чем она думала вначале. И мне ведь каникул осталась сушная ерунда, после чего меня ждут полгода воздержания, созерцания её на уроках английского и сладких воспоминаний. Вот чтоб мне было, что вспомнить, Катя предлагает не маяться больше ерундой, а сразу идти в спальню. Она вот и бельё специальное одела.

Я с ней, конечно, согласился и отнёс её в спальню на руках. Только спрашивал первый раз, куда нести. Три дня мы начинали целоваться прямо в прихожей, и я нёс её сразу в кровать. Через час-полтора мы пили растворимый кофе с помятым тортиком и болтали о пустяках. Я поднимал с пола прихожей шапку с кокардой и шинель с шевроном, одевался, целовал Катю и прощался до завтра.

У меня, может, с прошлой жизни не было такого! Да и в прошлой жизни тоже...

* * *

А Мухаммед с Авдеем не просто меня дожидались в машине! То есть не только! Мне стало не хватать школьной физкультуры по утрам, так после завтрака я час проводил для них политзанятия, а потом до обеда они были мне, и тренажёрами, и манекенами, и партнёрами в спаррингах.

После обеда я принимал с докладами управляющих, но они быстро закончились, к тому же нам, кто удостоился побыть дома, много на каникулы задали. Мне стало не хватать не только физкультуры, я с упоением решал всё новые задачи. И вечером меня ждала Катя!

Было интересно за ней наблюдать, у меня тоже проявились способности. Так я себе поставил размножение и самосохранение на минимум, вот Катя потихоньку мне добавляла. Я умудрился перебрасывать её усиление на другие участки с приемлемой для меня потерей в пятьдесят процентов...

Ну, дармовое же! И жадность это плохо, ещё мама так говорила. Вот хоть и жалко до слёз её усилий, я Кате ничего не говорил, демонстрировал эффективность её воздействия. И то ж размножаться хотелось даже на минимуме, аж челюсти сводило. В шестнадцать лет это, наверное, нормально.

И вот в определённый момент, когда от Катиного воздействия у меня мозги должны расплавиться, сам я превратиться в овоща, а она находилась просто на пределе, Катерина сама не выдержала:

– Расскажи мне всё! О себе!

– Да! Я расскажу тебе всё! – ну, сначала мне требовалось довести её до оргазма и самому кончить.

– О да! Рассказывай! – застонала она.

– Всё! Я тебе... расскажу... – вот и финишная. – Уф! Ты действительно хочешь это услышать?

– Да! – заглянула она мне в глаза.

– А с чего это вдруг ты стала задавать такие вопросы боярам? – уточнил я холодно.

– Э... – попыталась она отвести глаза.

– В глаза смотреть боярину! – приказал я небрежно. Вот так. – Продолжаем разговор. Не потому ли ты стала задавать боярину вопросы, что провела против меня магическую атаку? И просто по-человечески скажи, сколько дают за растление малолетки?

– Я тебя люблю! – пролепетала Катя.

– Я тоже тебя люблю, – сказал я добрым голосом. – Так сколько?

– От пяти! – горестно воскликнула Катя. – Тебе всё равно ничего не грозило! Ты бы просто рассказал, что попаданец из другого мира...

– Это вопрос? – спросил я холодно.

– Даже если это вопрос, что это меняет?! – зло проговорила Катя.

– Многое, – так же холодно сказал я. – Я запрещаю тебе двигаться и издавать какие-либо звуки, только отвечать на мои вопросы.

Она явно напряглась... ну, корчить рожицы я ей не запрещал. Уложил повыше, поправив подушку, поцеловал её в щёчку и принялся одеваться. А она лежала на спинке голенькая и только следила за мной чудными синими глазами.

Чувствуя себя последней сволочью, я подтащил поближе стул, уселся и долго на неё смотрел, сомкнув руки в замок. Так, кажется, половое влечение к объекту ушло достаточно, можно задать первый вопрос:

– Почему ты ко мне пристала?

– По приказу моего куратора, – через силу заговорила Катя. – Его контора проследила магический обряд в Европе, благодаря которому в мир должен прийти попаданец из магически отсталой реальности. Они ошиблись, попаданец мог появиться где угодно в мире. Я должна была дать экспертное заключение, что это не ты.

– Запрещаю кому-либо отвечать на любые вопросы обо мне и самой меня спрашивать, не являюсь ли я попаданцем, – немного оборзел я. – Это ясно?

– Тебя я ни о чём не спрошу, – мрачно ответила Катерина. – Но если меня спросит мой боярин... кому я дала клятву мага! Я могу умереть от ментального противоречия!

Я пожал плечами:

– Наверное, я сильно расплачусь, но меня устроит и такой вариант. Тебе лучше больше не встречаться со своим боярином. Кстати, это не твой куратор?

– Нет, – проворчала голая девушка.

Я задумчиво посмотрел на её сиськи и спросил:

– А ведь приказ растлить меня ты выцарапала из куратора в письменном виде?

– Да, – сухо проговорила она.

– Где он? – уточнил я.

– В гостиной картина «Ваза с подсолнухами» является декорацией для тайника, – доложила Катя.

– Что с ней нужно делать, чтоб она открылась? – деловито спросил я.

– Нажать на раму справа, – сказала она без эмоций.

– Ты пока никуда не уходи, – попросил я, вставая со стула.

Она проводила меня злыми глазками. В гостиной я быстро нашёл «Вазу с подсолнухами» и нажал на раму справа. Изображение открылось на скрытых шарнирах и явило моему взору дверцу с пятью отмеченных цифрами ручками. Я раздражённо вернулся в спальню.

– Эй! Там ещё один тайник! – воскликнул я.

Катя промолчала, глядя в потолок.

– Почему ты не сказала шифр? – добавил я для убедительности.

– Потому, что я не хотела, чтоб ты его знал, – сообщила она потолку.

Это просто объект, не нужно нервничать.

– Скажи мне шифр, что заставит тайник открыться, – смог проговорить я спокойнее.

– Семь, три, восемь, два, четыре! – выкрикнула Катя.

– Легко запомнить, – прокомментировал я, выходя. – Придётся сменить.

Шифр подошёл. В тайнике были только пистолет «Парабеллум» с двумя обоймами, удостоверение, что Катерина Васильевна Стрелкова является постоянным сотрудником совета княжеств по внешней политике, а также приказ от некоего Жучирова Сергея Викторовича оной сотруднице растлить мага Большова Артёма Дмитриевича и выведать, не является ли он пришельцем из другого мира.

Я аккуратно сложил приказ и уложил его вместе с удостоверением во внутренний карман, а пистолет проверил и запихнул за пояс, уложив обоймы в боковой карман сюртука. Аккуратно закрыл тайник, покрутив ручки, но комбинацию менять не стал. Просто, зачем серьёзно запираť пустой сейф?

«Надо бы кобуру заказать для оружия», – подумал я и вернулся в спальню.

Заложив большие пальцы в карманы брюк, ещё полюбовался от дверей Катей и сказал ей небрежно:

– Вставай и оденься.

Она злобно на меня посмотрела, но рот ведь я ей открывать не разрешил. Оделась пайнкой, молча.

– Иди за мной, – приказал я и направился в гостиную. Когда пришли, выдал новый приказ. – Звони куратору. К нему разрешаю обращаться, как хочешь. Если он не приедет за полчаса, вам обоим хана.

Я уселся за стол, а она послушно сняла с чёрного аппарата трубку и наvertsела номер. Отрывисто проговорила:

– Алё! Да, это Катя. Он сказал, что если ты не придёшь сюда за тридцать минут, нам конец. Подробности при встрече.

Она аккуратно положила трубку на рычаги и, глядя на меня, высказалась:

– Мелкий вонючий засранец!

– Кто? – выразил я холодное удивление, приподняв брови.

– Куратор, конечно, – серьёзно сказала Катя.

– А! – кивнул я. – Тогда совсем заткнись и присаживайся за стол.

Она уселась напротив, и мы воззрились друг на друга. Что-то она хотела сказать одними глазами, а я ею просто залюбовался. Катя мне продолжала жутко нравиться...

Через двадцать пять минут позвонили. Я подошёл к дверям. Чувствовался один человек, беспокойство, интерес, но не агрессия. Тоже, наверное, сканирует через дверь. Я решительно открыл и сразу отошёл назад. В прихожую проник парень в сером пальто и норковой шапке и спросил ровным тоном:

– Я уложился в полчаса?

– Да. Раздевайся, проходи.

Он со вкусом повесил вязанный мохнатый шарф, пальто и шапку. Я его пропустил вперёд.

– Садись рядом с Катей, – проговорил я, и присел напротив него.

– Вообще-то, я думал поговорить только с Катериной... – начал прищелец.

Я его прервал, обращаясь к Кате:

– Это куратор?

Она кивнула.

– Но ты больше не выполняешь его приказы? – спросил я.

Она отрицательно помотала лицом.

– Ты ведь стала моей вещью? – уточнил я.

Катя утвердительно нагнула голову.

– Какой интересный спектакль... – подал голос куратор, но я снова прервал.

– Жучирин Сергей Викторович? – улыбнулся я. – Догадался, из какого приказа я узнал твоё имя?

Я ещё не договорил, а он уже пришёл в движение. Едва я закончил, Сергей обхватил тёплую рукуя...

Только я всё равно быстрее, тем более он так предсказуем. Мой «Парабеллум», снятый с предохранителя, и с патроном в стволе уже смотрел в его лицо. Я завёл новую речь:

– Пустые руки положи перед собой... вот так. Мне плевать, чего ты там себе думаешь. Считаешь это спектаклем, да и ради всего святого. Просто учти, что Катерина отныне не служит в твоей конторе и тебе не подчиняется. Что-то случится с ней или со мной, и твой приказ попадёт в правильные руки. Это уяснил?

– Да, уяснил, – проговорил Серёжа сдавленным тоном. – Но боярин Большов! Ты же понимаешь...

– Пошёл вон, – сказал я ласково. – Любое слово или движение, что мне не понравится, и ты поймаешь несколько пуль. Ну, что замер? Встать!

Бледный Серёжа встал и под моим стволом оделся, пожелал всего хорошего и ушёл. Я вернулся в гостиную и присел за стол. Молчал ровно пять минут.

– Вставай и за мной, – сказал я Кате. В прихожей приказал. – Одевайся для прогулки.

Она сняла лодочки, натянула тёплые рейтузы и сапожки. Поверх платишка чудную шубку, а на голову милый меховой беретик. По моему приказу она закрыла двери и спустилась на первый этаж. Мы прошли немного до парковки...

Авдей и Мухаммед не спали, но не заметили никаких машин у подъезда. Ну, ничего другого от куратора я не ожидал. Приказал Кате устраиваться рядом со мной, мои охранники никак не отреагировали.

Дома Миланья вела себя, словно Кати у меня стадами по квартире бродят. Без эмоций накрыла нам ужин и свечки зажгла.

– Ешь, – приказал я.

Катерина охотно меня послушала...

В спальне ей уже сказал:

– Отмена всех приказов. Пистолет, удостоверение и записка этого козла у меня в сюртуке.

– А я могу тебя спросить о той вещи, боярин? – уточнила Катя.

Я аккуратно повесил сюртук на спинку стула и обернулся к ней, тяжело вздохнув. Начинается! Катя положила ладошки мне на плечи и, заглянув мне в глаза, спросила тихонько:

– Ты, правда, меня любишь?

– Правда, – сказал я печально.

Она внезапно толкнула меня но койку и упала рядом, весело воскликнув:

– Меня любит боярин! Самый могущественный маг! Ему всего шестнадцать, и я его вещь! Вот это класс!

В принципе я с ней соглашался и стремился соответствовать. Мало ли, что это сегодня уже было – первые разы не считаются. Главное, то, что делается по любви...

– А ты меня, правда, любишь? – уточнила Катя, прильнув к моей руке. – А то ж это могут назвать неравным браком... или ты не думаешь на мне жениться?

Я припал к её губкам. Нет! А на что я ещё надеялся?!

* * *

Катю можно понять – дипломатические службы всех стран испытывали серьёзные затруднения. Особенно это касалось Японии. Японцы многое хотели сказать представителям Восточного Царства, но не могли даже объявить ему войну – Восточное Царство просто не поддерживало никаких отношений с Японией.

Вот с Китаем или Правительством Кореи в изгнании у Царства были самые тесные отношения, Правительство Кореи собственно находилось на их территории, а с японцами они говорить не хотели. Ни о чём.

Вынужденно Япония заключала договоры с Московским княжеством, до которого по прямой десять тысяч километров! Но оно входило в совет княжеств, королевств и царства Гардарики по внешним сношениям и занимало там пост вечного председателя с согласия всех княжеств, королевств и царства. Потому японцам приходилось обруливать Азию и кусок Европы, потом ехать в запломбированном вагоне через южные княжества, чтобы добраться до Москвы.

Затем подавать в совет заявку и ждать, когда пришлют приглашение. Если за это время всех японцев не выдадут тому же Восточному Царству по основополагающему договору Княжеств, Королевств и Царства и не повесят там, можно прийти и высказать суть претензий:

Императорскую Японию весьма огорчает дикость Восточного Царства и его неразборчивость в выборе друзей. Ладно, не хотят они японских друзей – их выбор. Но хотя бы устанавливать дипломатические отношения и подписать договор о ненападении они могут? Сколько ещё будет пылиться в их канцелярии проект соглашения! И ни одного ведь замечания с их стороны – они его, вообще, читали?!

Корабли Царства такие-то потопили подлодки, эсминцы и даже крейсера японцев такие-то, а так же захватили или потопили такие-то японские транспорты! Это недопустимо в отношениях просвещённых народов! Такое ставит народы на грань войны! Кстати, нельзя ли узнать о судьбе экипажей?

Партия тяжёлого оружия с территории Царства снова проследовала в Китай! Япония всё видит и фиксирует! Пусть Восточному Царству сейчас недовольство Японии безразлично, но ведь когда-нибудь ему придётся подписать с Японией мирный договор – тогда-то японцы припомнят всё!

И тут у японцев накопилась тысяча пленных русских наёмников. С ними обращаются согласно всем конвенциям, ситуацию проверяют непосредственно на месте чуть ли не круглосуточно сотрудники Красного Креста! Вот нельзя ли сменять оных наёмников на экипажи, указанные в первом пункте?

Бумагу с изложением проблем принимал клерк невозмутимого облика и обещал передать всё представителям Восточного Царства, а сейчас просил не задерживать, а то за японцами заняли довольно много народу. Японцы церемонно кланялись и отбывали к себе пить зелёный чай.

Не! Пленных обменяют через третьи страны! А в остальном... э... поможет только чай.

Смирив немного самурайский дух, японцы признавали за русскими некоторую правоту. Их не обманывали все эти княжества и царства, имеют они дело именно с русскими.

Так вот русские также хорошо понимали японцев, знали, что на их пути к Великой Азии бесполезны какие-то разговоры. После японских десантов в Китае и Корее они просто повесили всех...

Мать их так! Эти выродки повесили просто всех японцев, кто случился тогда в Восточном Царстве! И Япония не могла им ответить тем же, иначе они бы повесили всех, кто случился в Гардарике, и у Императора не было бы даже столь хлопотного и долгого пути сношения с этими варварами.

Но это не всё! Русские и раньше ни с кем не церемонились на морских дорогах, но с того момента они стали целенаправленно охотиться на транспорты, которые везли хоть что-то в Японию. На все претензии европейцев и американцев они приводили данные о неких «зверствах» японцев на оккупированных территориях и предлагали впрячься за них в полный рост – просто объявить Московскому княжеству, а с ним вместе и всей Гардарике войну.

Европейские и американские представители бормотали о необходимости международной проверки «зверств» и временно затыкались. Как раз до очередного потопленного или захваченного транспорта. Но это уже редко – слишком дорого стало снаряжать корабли в Японию. Приходится японцам самим собирать конвои из своих транспортов и нести потери.

То есть эти варвары ведут практически полномасштабную войну – только города ещё не бомбят! Но они нейтральные! Попробуй только тронуть судно под флагом Гардарики!

Тут самураи надолго переходили на местный язык из-за скудости собственного в плане ругательств. Опустим ненужные художества.

Вот облегчив полностью самурайскую душу русским матом, японцы впадали в отстранённую созерцательность и начинали даже русским завидовать. Допустим, их во всём мире считают варварами. Но!

Они по всему миру так сдерживают всех неугодных. Япония просто не угодила им больше остальных. Русские наёмники сражаются со своим оружием на стороне Китая, и просто Гардарика даёт китайцам оружие в долг. Но ведь они, как бог, помогают только тому, кто помогает сам себе. Китайцы это очень хорошо понимают – продвижение японцев остановлено ценой больших жертв, их войска несут всё более серьёзные потери.

Однако на этом месте японцы начинают сдержанно улыбаться каким-то своим мыслям. Те же мысли светятся во всех японских глазах. Японцы многое могут долго терпеть...

Просвещённая Европа просто вынужденно пойдёт учить варваров жизни. Тех варваров, что почти пятьсот лет не воевали – наёмники, карательные походы и пиратство, конечно, не в счёт! И внутренняя структура у них дурная – нигде нет такой структуры!

Вот где основа политики Империи – пусть Европа рыпнется на Гардарику! Отоварится, конечно, но не сразу. Япония за это время, может, принудит к реальному миру Восточное Царство и за ним Китай. А там посмотрим...

Глава 6

Так что можно понять радость Кати, когда она ушла с секретной службы. К русским во всём мире ужасное отношение на бытовом, народном уровне! Официальные лица предельно предупредительны, но опять же с официальными русскими. А если ты представитель секретной службы и тебе этот народ требуется неофициально вербовать?

Не! В койке боярина и мага Кате намного лучше! Сама так сказала, и я ей поверил. Трудно соврать магу в глаза. Говорит, что любит, и сама в это верит...

В постели часто просит жалобно:

– Хочу быть твоей вещью! Поработи меня ещё на немножко! Пожалуйста!

Вот как отказать своей девчонке? Поработаю. Но только не надо думать лишнего, никаких глупостей себе не позволяю. Да ей и обычного хватает за глазки, ведь главное тут – ощущение беспомощности.

Но это лишь вечерами в спальне, хоть и оставалось у нас всего четыре дня каникул. Так-то почти ничего не изменилось. Как проснулись, вместе зарядка, душ и завтрак. Потом для меня, Авдея и Мухаммеда Катя читает политинформацию. По-английски. Она просто всех уже достала этим английским, но терпим.

Затем физкультура, и ещё вопрос, кто кого жалеет. Я намного моложе и более сильный маг, у меня сил больше. Зато мои старшие товарищи намного больше умеют, особенно Катя. Она спокойно демонстрирует то, чему её научили в секретной службе. Боярину и его охранникам можно.

После обеда съездили к ней. Забрала она немного белья и платьев. Машину её пока оставили на подземной парковке дома. Кстати, из сюртука она взяла пока удостоверение и пистолет, а приказ Серёжи сказала мне спрятать у себя. Я его храню в сейфе рядом с документами папы, мамы и брата...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.